

АНАТОЛИЙ ЛЕРНЕР

На перекрёстке судьбы

ВТОРАЯ КНИГА РОМАНА
«ЗАВЕТ НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Анатолий Лернер

**На перекрёстке судьбы.
Вторая книга романа
«Завет нового времени»**

«Издательские решения»

Лернер А.

На перекрёстке судьбы. Вторая книга романа «Завет нового времени» / А. Лернер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749104-8

«На перекрёстке судьбы» — вторая книга романа «Завет нового времени». Герои романа намерены спрятать в прошлом весьма опасные и невероятные артефакты ессеев, которые уже успели привлечь к себе внимание охотников за сокровищами. Открыв временной портал, герои переносятся на две тысячи лет назад, в Кумран, где ессеи признают в них воинов Света будущего, которым предстоит сражение в последней битве Конца времён.

ISBN 978-5-44-749104-8

© Лернер А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Особое задание	7
Устная тора и «виденье звуков»	10
Князь и два каравана	17
Адам, Хава и древо познания Добра и Зла	23
Ненавистные поколения потопа	30
Сон о Шахаре и ханукальном чуде	33
По дороге к пещере царя Шломо	38
Исчезнувший ковчег и Египетский храм	41
Возвращение из рабства и новый храм	43
Тайны кумранитов	45
По следам легенды	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**На перекрёстке судьбы
Вторая книга романа
«Завет нового времени»
Анатолий Лернер**

© Анатолий Лернер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Восстание Маккавеев против сирийско-греческого правления завершилось весьма убедительной победой. Добившись полной независимости страны, племянник героя войны Иуды Маккавея, Йоханан Гиркан, стал первым царём из династии Хасмонеев. Расширяя пределы государства, Гиркан уделил особое внимание защите границ.¹ Построив укрепления вдоль всех жизненно важных источников воды, он усилил и крепость Кумрана, что была основана в суровом и негостеприимном месте, которое давно покинули люди и, казалось, навсегда оставил Бог. Ведь после того, как ангелы уничтожили Содом, Амору и ещё три таких же, погрязших в разврате и жестокости города-государства, некогда цветущий край был превращён в безжизненную пустыню камней посреди которой возникло мёртвое Море соли. Сюда после разрушения Иерусалимского Храма стали стекаться коэны и левиты, служившие при нём. Здесь они намеревались умереть, обращая свои молитвы к Вседержителю, моля о снисхождении к своему народу. И Всевышний услышал их молитвы. Они не умерли. Своим трудом превратили они долину камней в оазис, а город отшельников стал духовным центром страны.

Согласно принятому Гирканом закону, все земли, на которых стояли крепости, теперь отходили государству, становясь царёвыми наделами. И эти наделы были отданы в вечную аренду ессеям. Вместе с поистине царским подарком ессеи получили и особую привилегию – теперь они будут именоваться «исполнителями стратегических планов», о чём навечно было записано в царских свитках. На деле же это означало то, что с покровительством Гиркана ессеи получили и свою землю, и крепости на ней, и воинские гарнизоны, несущие государственную службу. Гиркан наделил ессеев огромной политической властью, закрепив за ними благоустройство царских земель, согласно стратегическим планам государства.

Так Кумранская пустошь стала государевой крепостью и собственностью ессеев. Именно здесь на законных основаниях располагалась охраняемая гарнизоном тайная эзотерическая школа Израиля «Дамаск».

---

¹ В 108 году до н. э. Гиркан отвоевал Шхем, разрушил языческий храм самаритян и греческие крепости на горе Грзим, присоединив Самарию к Иудее. Начав завоевание Заиорданья, Йоханан Гиркан присоединяет Идумею и земли родственных моавитян, чьи женщины станут праматерями израильских царей.

Особое задание

Ранним утром голубь принёс в крепость Кумрана тревожное сообщение о том, что из Иерусалима вышла и направляется к стенам Кумрана карательная экспедиция, состоящая из четырёх когорт Десятого легиона. Совет старейшин был немедленно оповещён об опасности, и уведомлён о том, что силы гарнизона уже подняты по тревоге.

– Мы с опасением ждали этого известия, и молили а-Шема отсрочить приход врага, – сказал Учитель Праведности. – Очевидно, что Всемиловейший сделал всё, что смог. Теперь нам необходимо позаботиться о себе самим.

– Мы действуем по плану, утверждённому Советом, – напомнил командующий гарнизоном, Нахшон. – Но чтобы подготовить всё необходимое для вывода школы из крепости, нам необходимо время и полное отсутствие паники.

Нахшон посмотрел Учителю Праведности в глаза и увидел, что тот и сам всё прекрасно понимает, поэтому прямо и спокойно произнёс:

– Не следует менять планы школы, пусть экзамены состоятся, согласно нашей традиции, с посвящением выпускников.

Учитель Праведности кивнул и спросил:

– Сколько времени займёт вся подготовка?

– Мы управимся до полудня.

– А за это время каратели не явятся напрямиком в Зал собраний?

– Гарнизон крепости кое-что предпринимает, чтобы этого не случилось, – рабби Нахшон улыбкой поспешил успокоить Учителя Праведности. – На подступах к городу киттиев встретит засада. Они вынуждены будут остановиться. И как только это случится, школа сможет беспрепятственно покинуть Кумран, а гарнизон, волею а-Шема, проводит вас до самой крепости Масада.

*****

Едва закончилось посвящение выпускников, как прозвучала тревожная весть: каратели на подходе к Кумрану. И несмотря на то, что все ждали прихода киттиев, сообщение о том, что они совсем рядом, вызвало среди кумранитов нешуточную тревогу.

Людской поток хлынул во внутренний двор. Гости и приглашённые покидали балконы и галереи. Голоса сливались в единый хор отчаянья и патетики, гнева и призывов к здравомыслию. Видя, как поспешно покидали двор представители Совета старейшин и духовные Учителя, люди несколько приутихли. Члены Синедриона, посетившие посвящение любимцев и подопечных, вместе с ними проследовали в зал Собраний. Здесь их уже поджидал глава Военного совета, командующий гарнизоном крепости, рабби Нахшон.

Он лично явился в Зал собраний, чтобы успокоить старейшин и Учителей. Под дружное одобрение, он объявил о том, что начатые с утра приготовления к скрытому переходу школы в крепость Масада, успешно завершены.

– Нужно действовать безотлагательно, – сказал Нахшон и посмотрел на Учителя Праведности. Тот кивнул, и подал кому-то знак. Несколько человек из разных углов зала встали, и поспешно вышли из Зала собрания. Шум снаружи немедленно затих. Нахшон приблизился к Учителю Праведности, и что-то тихо прошептал.

Пользуясь заминкой, рабби Моше подошёл к Давиду. Он наклонился к нему, и произнёс почти в ухо:

– Хочу, чтобы ты знал, что Нафтали мне рассказал, как римлянин попытался завладеть мечом, сделанным для князя. И всё, что было потом, тоже рассказал. И, хотя, нет никаких сомнений, что карательная экспедиция направлена к нам после посещения центурионом твоей кузницы, это не значит, что тебя и твоих мальчиков кто-то обвиняет в происходящем. Римляне только и делают, что провоцируют нас, ища повод пригнать войска.

– Моше, а мне как раз послышалось, что кое-кто не согласен с тобой...

– Оставь эту мнительность, – перебил его Моше, и, взяв под локоть, отвёл к ближайшей колонне. Здесь он оглянулся на Учителя Праведности, который всё ещё не отпускал от себя Нахшона, и, поприветствовав обоих поклоном, сказал:

– Знаешь, Давид, как поступил бы я? Не дал бы выйти центуриону из кузницы и перебил бы весь римский обоз.

– Именно этого и хотели мои сыновья, твои достойные ученики. Но я остановил их.

– Почему?!

– Мне было виденье, из которого я понял, что должен изготовить особый клинок, который будет обладать магическими свойствами. Такого кинжала ни мои сыновья, ни я ещё никогда не делали. Но в видении Нафтали вручал кинжал князю от моего имени. И тогда мне открылось, что не я устроил экзамен сыновьям, а Отец Всевышний пожелал испытать меня. Чтобы справиться с таким клинком, нужен был не только мой опыт, но и ритуальная чистота Нафтали. Именно по этой причине я и отпустил центуриона.

– Ну что ж. Надеюсь, юный князь уже получил подарок, потому что у тебя ни на что не осталось времени, – сказал Моше. – Вопросы потом, а сейчас слушай. Немедленно разыщи Ребекку и отправляйся с нею в пещеры. Перегоните стадо к Перекрёстку Судьбы. Возьми ослов для себя и внучки. Остальных привяжи у дальней пещеры и не корми. Для дела они понадобятся голодными. Да! Прихвати почтовых голубей. Если что... ты знаешь.

– А дальше? – спросил Давид друга.

– Дальше? – переспросил Моше и вздохнул. Они с Давидом были старинными друзьями, и эту дружбу подхватили сыновья, для которых Моше был и оставался любимым учителем. И, конечно же, он понимал всё, что Давид вложил в свой вопрос. Так же как его сын Нафтали, Давид не сомневался, что будет сражаться с римлянами плечом к плечу с есеевским братством. И так же как сын, рассчитывал на особое задание. Помня то, как воспринял новость Нафтали, Моше сказал прямо:

– Не хочу, чтобы ты счёл это так, словно тебя ссылают подальше от Кумрана, вон из страны, но ты спросил и я отвечаю. Дальше вы присоединитесь к отряду князя.

– Как это понимать?! – встрепенулся Давид. Моше увидел, как изменилось его лицо, и с трудом выдавил из себя улыбку. Он обнял старого друга так, точно навсегда прощался с ним, а отпустив, сказал:

– Понимай, как решение Совета старейшин. И знай, оно было принято не без участия юного князя.

– Решение Совета старейшин воспринимаю, как закон, пожелание князя – как оказанную честь, – ответил Давид.

– С Божьей помощью, отправляйся немедленно! – Моше отстранил от себя Давида, а сам повернулся к собранию, высоко подняв руки. Гул немедленно стих. Моше посмотрел на Учителя Праведности и рабби Нахшона, и они кивнули ему.

– Враг подошёл слишком близко, – сказал рабби Моше. – Нужно не сетовать, а действовать! Гарнизон завершил все необходимые приготовления и школа может немедленно покинуть крепость. Подробности немедленно доложит рабби Нахшон.

Продвигаясь к восточному выходу из Зала собраний, Давид всматривался в знакомые, родные лица людей и думал о том, что видит их в последний раз. Он едва не задохнулся от этой

мысли, означавшей, что прежняя жизнь только что внезапно закончилась, а впереди – пугающая неизвестность.

Казалось, великан Давид застрял в дверном проёме, и теперь неловко улыбался, утирая накатившие слёзы. Оглянувшись, он увидел, как Нахшон стремительно подошёл к Моше. Командующий гарнизоном окинул всех пронзительным взглядом, словно бы отыскивая кого-то. Наконец его глаза остановились на Давиде и Нахшон весь подался вперёд к обрамлённой дверным косяком фигуре друга, точно спеша проститься с ним. И Давид улыбнулся в ответ.

– Сейчас я обращаюсь к своему миньяну, – услышал Давид слова Нахсона, и кивнул в ответ ему.

– Пора, – выдохнул он. – Каратели уже совсем рядом. Поспешите в пещеры. Вы знаете, что делать. И будьте осторожны. Да хранит вас Ашем.

Услышав насколько близко подошёл враг, собрание загудело снова, а Давид стремительно вышел наружу. Он шёл и думал о последних словах Нахсона, обращённых к нему. «Вы знаете, что делать» – звучало в ушах Давида. Киттии приближаются к Перекрёстку Судьбы. Туда же они с внучкой должны перегнать стадо. Зачем? Чтобы соединиться с караваном юного князя? А если что-то пойдёт не так? Ведь Перекрёсток полон всевозможных неожиданностей. Древняя легенда говорила, что злые демоны играли здесь жизнями людей, и это продолжалось до тех пор, пока царь Шломо² не запечатал их в одной из пещер.

Дабы не позволить демонам противостоять строительству Храма А-Шему³, Шломо при помощи Имени Всевышнего и созданного заклинания повелел им признать его силу и власть над собой, тем самыми принудив участвовать в строительстве Храма Единому Богу. А когда Храм невиданной красоты был готов, духи и демоны были возвращены на свои места. Но чтобы они не могли больше морочить людей, царь Шломо заточил демонов в укромном месте. Мало кто из кумранитов знал о том. И почти никто не ведал, что у входа в пещеру, рядом с магическими печатями в серебряной мезузе⁴ был спрятан пергамент, на котором рукой самого Шломо было начертано заклинание демонов.

---

² Шломо – в русском переводе Соломон.

³ А-шем – ивр. Замещение имени Всевышнего – букв. – Имя.

⁴ Мезуза (ивр.) – дверной косяк. Обычно, к дверному косяку наискось крепился футляр, содержащий в себе свиток пергамента из кожи ритуально чистого животного, содержащий часть текста молитвы Шма Израэль. Здесь мезуза была использована для хранения заклинания, которое в свёрнутом виде находится внутри серебряного футляра, прикреплённого на дверном косяке.

Устная тора и «виденье звуков»

Ребекка прошла через караульное помещение и оказалась в хозяйственной части крепости. У Дома собраний её ждал дедушка. Следовало торопиться. Посетив цыганку, она совершенно потеряла ощущение времени, и теперь нужно было наверстать упущенное. Ребекка знала, что Давид очень волнуется. Ещё бы! Ведь отовсюду такие тревожные вести. Должно быть дедушка очень сердит. Видно не избежать ей сегодня его немилости.

– Душа моя! – услышала она сильный и красивый голос деда, каким и должен по её мнению обладать человек такого огромного роста. Ребекка вздрогнула и оглянулась. Первое, что бросилось ей в глаза, это то, что Давид действительно был очень встревожен. «Так и есть! – подумала она. – Он в гневе от моего опоздания».

Рядом с пекарней, в белом священническом хитоне с широкими рукавами, без пояса, стоял её дед. Его голову покрывала молитвенная накидка – талит, четыре угла которой он перебросил через левое плечо и кисти вязаных узелков свободно свисали с края. Кожаный ремешок головного тфилина венчала коробочка-ковчег из чёрного дерева, покрытого кожей. И словно корона золотом горела начертанная на ней буква «шин». А внутри ковчега находился свиток со словами молитвы «Шма, Израэль!», написанный специальными чернилами на особом пергаменте. Об этом, как и многом другом, рассказал ей сам дедушка. Он очень любил её и чтобы защитить от злых людей дал второе имя Ребекка, которым и называл до совершеннолетия. Так её звали и все вокруг.

– Ребекка! – Давид широко расставил руки, показывая, что конечно же всё знал о её проступке, сердит, но уже всё простил. Приглашая внучку в свои объятия, он не решался сказать ей о главном. Его пальцы ловко перебирали хитро вывязанные узелки накидки, выдавая сильное волнение. Левая рука Давида от пальцев ладони до локтя была особым способом перевязана чёрным кожаным ремнём – тфилином. На нём имелся свой ковчег со свитком из Торы, и когда дед сгибал загорелую мускулистую руку кузнеца, коробочка ковчега припадала прямо к его сердцу.

– Дедушка! – личико внучки залилось краской стыда и смущения. Она раскаивалась и вспоминала лицо цыганки-язычницы, говорившей, что старый мастер Давид не одобрил бы её желание ворожбы.

Тряхнув в сердцах головой, точно соглашаясь с мудрой женщиной, подбежала Ребекка к деду, и полная искреннего раскаяния уткнулась ему в живот. Дед, как большая белая птица, взмахнул руками, точно крыльями, и укрыл девочку молитвенной накидкой.

Так он благословил своё дитя, а Ребекка, как и бывало в подобных случаях, ждала от него назидательной истории, или урока из Устной Торы, но Давид лишь кратко сказал:

– Весь мир занимался поклонением идолам, пока не родился Авраам. С тех пор наша жизнь превратилась в борьбу. Сначала с идолопоклонниками, а потом – просто за право выжить.

*****

Ребекка была несколько расстроена тем, что Давид ограничился лишь кратким выговором. «Значит, не всё так просто», – понимала она, инстинктивно обнимая дедушку, как бы прячась под его «крылом» и закрывая глаза.

«Что-то не так», – подсказывало ей сердечко. «Что-то совсем по-другому», – думала она, прислушиваясь к дыханию деда. И хотя Давид внешне не выказывал никакой тревоги, Ребекка насторожилась. Ещё бы! В другое время их беседа могла бы быть более пространной и продолжительной. Ведь по любому поводу Давид мог говорить с ней часами, находя на всё примеры из Устной Торы. И она обожала слушать его! Начиналось всё с того, что Давид строгим

голосом называл её по имени Ребекка⁵, вкладывая в него свой, особый смысл. А она при этом ощущала его любовь и привязанность к себе и страх потерять её. Из любой фразы он умел извлечь мудрый смысл и его волшебные рассказы заполняли её сердце доброй мудростью.

Дед Ребекки относился к тем Мудрецам, которые поддерживали традицию Синая, когда Тору Записанную и Устную учили наизусть и воспринимали во всей её целостности и многообразии, одновременно постигая смыслы на многих уровнях познания. Давид рассказывал внучке, что Всемогущий продиктовал Моше весь текст Торы целиком, но не сразу, а в процессе Устного Разъяснения. То, что Всевышний позволил записать Моше, в результате оказалось лишь каплей, тогда как море изложения стройной и единой системы постижения Всевышнего и его миров – нынешнего и грядущего – осталось лишь в Его устном изложении.

Ребекка спросила: «Как удаётся сохранять Устную Тору, если А-Шем запретил её записывать?» – и Давид ответил:

– Моше и следующие поколения Мудрецов, душа моя, сохранили Устное Разъяснение, заучив его всё наизусть, обучая Торе других.

– Как ты меня? – спросила внучка и счастливый дед кивнул, говоря:

– И тебя, и братьев твоих старших, и сестёр. Это называется традиция передачи Торы из поколения в поколение. Но времена становятся всё темнее, а людей, способных хранить в голове всю Устную Тору, всё меньше и меньше. Римляне обрушили на нас все несчастья, уничтожая святых народа, изгоняя с земли молодых, способных к учению людей. Если оставить всё, как есть, скоро не только Устной Торе, но и Письменной будет угрожать опасность забвения. Не приведи Бог! Думаю, что ведущие знатоки Торы уже принимают необходимые меры ради её сохранения.

– И что это будут за меры, дедушка?

– Чрезвычайные меры. Чтобы сохранить целостность Торы, мы вынуждены будем записать Устную Тору и сделать это весьма осторожно. Уверен, что учения о морали будут записаны под видом преданий, загадок, притч и таинственных изречений – мидрашей. Они будут построены так, что смысл станет ускользать от непосвященных, а текст напомнит пчелиный улей без мёда – бесполезный и опасный. И только учителя смогут раскрывать своим ученикам и дух, и суть, и все скрытые смыслы, вложенные в те загадки, над которыми необходимо будет долго и сосредоточенно размышлять.

Обнаружив способность «видеть слова», Ребекка испугалась и поделилась страхами с дедом. И тогда он рассказал ей, что на горе Синай, кроме Торы, Всевышний вручил детям Света ещё один дар.

– Когда-нибудь, – сказал Давид, – он проявится в тебе сполна. В тот миг, когда мы приняли Тору, А-Шем назначил нас народом священников и вручил ещё один подарок. Этот дар называется «виденье звука».

– Виденье звука, – повторила Ребекка.

– Это способность видеть не только то, что означают слова, но и то, что стоит за ними. Этот дар бесценен. Он приравнен нашими мудрецами к благословию, с которым может сравниться лишь дар Всевышнего первому Человеку – Адаму, когда А-Шем вдохнул в его ноздри жизнь и подарил бессмертную душу. Вдохнув в Адама жизнь, Господь оставил в нём частичку Себя. То же Всевышний проделал и на Синае со Своим народом, когда Голосом оживил сияние букв на скрижалях. И помни, что получила ты этот дар не теперь, а гораздо раньше, когда в прошлой своей жизни стояла у горы Синай, среди воинов шестисот тысячной армии А-Шема, присягнувших Ему и Торе на верность. В этой жизни ты всё ещё только начинаешь. И не слу-

---

⁵ Очевидно, что имя «Ребекка» – было дано вторым или охранным именем, оно составлено из слова «рабби» – учитель – и окончания «ка» – как. «Как учитель».

чайно, что дар проявился в твоё совершеннолетие в день бат-мицвы⁶. Теперь он изо дня в день, будет становиться лишь сильнее.

Теперь дар «виденья слов» проявлялся чаще. Он сломал привычный для Ребекки ход жизни, вторгся в её повседневность, и теперь расширял границы. Точно в подтверждение этому, густой голос Давида окутал Ребекку и приглушил все незначительные звуки в мире. Задержав дыхание, как она делала, когда окуналась в микву⁷, Ребекка закрыла глаза, и её погружение в произносимые дедом слова, началось. И чем глубже было это погружение, тем ясней и чётче виделись ей слова, а значит, становились понятней и значимей на уровне узнавания. Смыкавшаяся над нею темнота больше не пугала Ребекку, ведь её опыт говорил, что мрак непременно уступит ослепительным вспышкам света, и тогда её ресницы вздрогнут, а глаза переполнятся горькими слезами, отчего сразу станет легко и радостно! И тьма отступила. И промытому слезами взору открылся недосыгаемый мир, что до поры оставался незнакомым, затаённым на самом дне её невежественного беспамятства. Нездешним светом пылали изнутри буквы, собиравшиеся в слова, которыми, как ей казалось, А-Шем ещё только собирался сотворить мир. От этой тайны... от этой мысли... от этого видения слов дрожь восторга пробежала по всему телу Ребекки. Вот оно, сокровенное! Слова А-Шема, произнесённые дедом, теперь возвращались к ней, чтобы она сама наделила их смыслом. Не чудо ли?! Ожившие слова помогали ей раскрывать их магическое, а значит истинное, значение и тогда новые фрагменты её прошлой жизни всплывали перед внутренним взором и всё, что казалось окончательно забытым, утраченным, собиралось в цепь событий, переполненных удивительными подробностями, которые в словах деда звучали лишь намёком.

Ребекка выдохнула... И была в этом выдохе несказанная любовь и благодарность А-Шему, и за возвращение ей этого удивительного дара, и за друга, объяснившего ей дар А-Шема на Синае.

– Бог Един! – произнесла, как пароль Ребекка, высвобождаясь из-под накидки деда, возвращаясь в привычный мир.

– И Он – Бог мира! – ответил Давид, разводя руки, а с ними и крылья талита. Яркий солнечный луч на миг ослепил её. Она сделала глоток свежего воздуха и поспешно прикрыла глаза ладонью.

– Дедушка! – Ребекка порывисто обняла Давида. – А-Шем всё ещё ждёт от нас чего-то?! – спросила она. – Чего?

– Исправления. – Коротко ответил Давид.

– Исправления? Мы что-то сделали не так? Что мы должны исправить?

– Прежде всего, Он ждёт исправления нас самих, а потом и мира, нас окружающего.

– Исправить самих себя? И поэтому мы снова здесь? Да? Чтобы не повторять ошибок прошлого? Верно? Но как это возможно? – задавала непростые вопросы Ребекка.

– Читай Тору, в ней наше настоящее, прошлое и будущее.

– Дедушка, мы здесь больше потому что не справились, или чтобы кому-то помочь? – попытывалась Ребекка.

– Без сомнения, чтобы помочь, – ответил Давид.

– Значит новая жизнь – это не наказание?

– Нет... просто выбор пал на нас.

– А почему он пал на нас?

– Потому что в прошлой жизни мы с чем-то не справились...

---

⁶ Бат-мицва – совершеннолетие девочек, которое наступает в 12-летнем возрасте.

⁷ Миква – бассейн с проточной водой для ритуального очищения.

- А если не справимся опять?
- То впереди у нас ещё одно рождение.
- Значит, всё-таки наказание... И когда, дедушка, ты хотел бы снова родиться?
- Думаю, что нам не избежать рождения в Конце времён, когда дети Света во главе с Небесным воинством сойдутся для последней битвы с силами Тьмы. Нам предстоит снова сражаться и побеждать...

*****

Ребекка надолго задумалась, а Давид легко зашагал по направлению к воротам крепости. Исправить себя – теперь означало для него научиться жить за пределами Кумрана, вдали от страны и сохранить Знания в чистоте среди языческих народов.

Рассеянным взглядом Давид блуждал по внутренним постройкам крепости, гарнизонной синагоге, караульному помещению, кузнице. Здесь прошла его жизнь. Здесь он провёл в служении А-Шему и общине сорок лет. Здесь они обручились с его красавицей Эстер и стоя под свадебным шатром дали клятву вечной любви. Здесь они привели в мир своих детей. Здесь родились их внуки. И здесь, в этой земле они хоронили своих умерших друзей и родных.

Прощальный взгляд Давида коснулся крепостных стен и высокой башни форпоста, гончарной мастерской, пекарни, прачечной. Взгляд проник через ворота, туда, где взору Давида открывался столь родной и такой привычный для сердца и души пейзаж. Гряды скалистых гор из песчаника, которые, казалось, сбегали к Морю соли – едва видневшейся отсюда голубой кайме. Посреди мёртвой пустыни, возникшей на месте уничтоженных ангелами ненавистных А-Шему городов – Содома и Аморы, здесь, где торчали соляные столбы, окружённые чёрными, без следов какой бы то ни было растительности, горами, жил преображённый кумранитами клочок земли.

Своими знаниями и трудом они превратили выжженную огнём и серой землю в цветущий оазис, прорыв систему каналов для сбора дождевой воды, установив плотину и соорудив хитроумные системы водоёмов с акведуком, направлявшим воду в город и к цистернам водосбора. Умелое распределение воды позволяло разбить среди камней финиковую рощу, не говоря уже о фруктовых деревьях. Вдоль всей крепости были разбиты террасы с зеленью и овощами и ещё несколько террас засеивались пшеницей, которая приносила кумранитам по два урожая в год. Крепость обеспечивала едой не только ессеев и учеников школы, но и весь военный гарнизон. Лотки со сдобой и шабатными халами из гарнизонной пекарни охотно раскупали жители палаточного городка.

Здесь Давид родился, и здесь прошла его жизнь. Он был неотъемлемой частью Кумрана. По крайней мере, так он всегда считал. Он знал, что никогда добровольно не покинет его пределов. Даже если случится ещё одно землетрясение и город будет разрушен, Давид останется, чтобы погибнуть или выжить, а уцелев, он заново отстроит пристанище ессеев. Так поступили когда-то его Учителя. Суровые наставники выковали из него не только кузнеца-оружейника, но и провидца, обучили тайнам, сделали хранителем и соучастником духовной жизни школы «Дамаск», и потому – всей страны. А теперь, в одночасье, вся его прежняя жизнь оказалась в прошлом. Всё, для чего он жил, чему учил сыновей и внуков, чему обучал любимицу Ребекку, – всё оставалось в прошлом? Это, казалось очевидным.

Давид не знал, как сказать Ребекке, что, А-Шему угодно увести их из страны, дарованной Им народу Израиля. Как сказать, что быть может они никогда больше не увидят ни Иерусалима, ни семьи, ни друзей, потому что уходят далеко от дома, в чужие языческие края, где много опасностей и неожиданных испытаний? Никакой надежды на то, что они когда-нибудь ещё вернуться на Святую землю, у Давида не было.

С этими невесёлыми мыслями он прибавил шаг. Ребекка не поспевала за ним, а Давид шёл и молил А-Шема, чтобы внучка достойно пережила разлуку с домом и вернулась на землю Авраама, Ицхака и Йакова, целой и невредимой. Точно предчувствуя свою судьбу, он стал просить А-Шема не дать ему сгинуть в языческих землях.

– Дедушка, мы куда-то торопимся? – спросила Ребекка, едва поспевая за ним. Давид оглянулся, и согласно кивнул в ответ.

– Куда? – поинтересовалась Ребекка.

– На Перекрёсток Судьбы, – отважился сказать первую часть новости Давид.

– А потом? – не унималась Ребекка, не видевшая в этом ничего необычного.

– Там мы отыщем одну тайную пещеру, которую когда-то давным-давно построил сам царь Шломо.

– Как интересно! – обрадовалась Ребекка и вдруг спросила:

– Это, правда, что имя Шломо, мудрейшего из царей, было записано А-Шемом в Тору ещё до сотворения мира?

– Да, душа моя, – ответил Давид, радуясь тому, что внучка сама нашла способ оттянуть тяжёлое объяснение.

«Странно, что мне самому это не пришло в голову, – улыбался он. – Слава А-Шему, нашлась тема для урока Устной Торы». Давид заметно взбодрился, и добавил:

– Это – чистая правда, душа моя!

– Но как такое могло быть?

– Сейчас расскажу.

*****

Давид начал рассказ с того, что когда под диктовку А-Шема Моше Ребејну записывал Тору, он услышал стих: «Сотворим человека», что его крайне удивило. Он в сердцах воскликнул: «Властелин Вселенной! – почему Ты даёшь возможность впасть в ошибку и сделать вывод из этой множественной формы, что человека создавал не один, а несколько богов?»

– Пиши так, как Я тебе велел, – ответил А-Шем. – Кто захочет, тот сам впадёт в ошибку. Я же хочу преподавать людям ещё один урок. Создатель, давший жизнь верхним и нижним мирам, прежде чем сотворить человека совещался с ангелами.

– Ты, совещался? С ангелами?! – Моше был потрясён.

– Никто не хотел, чтобы Я создал человека. Тогда Я обратился к своим семерым помощникам – ангелам, которых создал такими на второй день, и те спросили: «Каким оно будет, это существо?» И Я ответил им: «Человек будет сотворен по На-Шему образу и подобию». И ангелы спросили: «как такое возможно?», и Я сказал: «Человек будет обладать умственной потребностью постигать Творение и служить Властелину Вселенной, как если бы он был одним из вас. Разум будет выделять его как человека. Если он станет выполнять Мою волю, то станет нести в себе Мой образ и царить над животными. Если же нет, то он лишится Моего образа и уже не он будет господствовать над зверьми, а звери станут над ним».

– Умом же, он будет превосходить вас, – сказал А-Шем ангелам и приступил к созданию Человека.

Чтобы изготовить руки и ноги, А-Шем направил ангелов собирать землю со всех частей света. Для туловища Он взял земли Вавилонской. Голову слепил из земли, что была у подножья горы Мория. Оставшуюся землю А-Шем высыпал на вершину горы, рядом с камнем, и сказал:

– Это камень преткновения. Здесь будет стоять жертвенник, в память о не пролитой человеческой крови. Потомок человека, который сейчас будет вылеплен, станет великим царём Шломо, сыном царя Давида, который возведёт мне на этом месте Храм.

И тогда ангелы переглянулись.

– Ты сказал о сыне Давида? Но ведь мы преопределили ему умереть трёх часов отроду?..

А-Шем смешал землю с водой, которую ангелы собирали из всех океанов мира, и сказал:
– Я наделю человека правом выбора. Он волен будет оставить всё, как predetermined, а может сам изменить свою судьбу. Это повлечёт множественные изменения в судьбах его потомков, Давида, и его сына Шломо, который станет величайшим из всех царей, и построит Мне дом на земле Израиля.

Тело Первого человека всё ещё не было завершено и лежало на земле. Ангелы с большим интересом наблюдали, как А-Шем трудился над существом, которому будет даровано право выбора.

Вдохнув жизнь в человека, А-Шем усыпил его. И пока человек не проснулся, сопровождал в его сне, показывая потомков-праведников. Все праведники, начиная с Ноаха⁸, предстали перед внутренним взором спящего человека. Он видел монументальные образы Авраама, Ицхака, Йакова. Лики патриархов сменялись праведными лицами величайших знатоков Торы, пророков, священников и царей...

– Смотри! – приказал А-Шем человеку. – Смотри, пока твоё сознание не ограничилось рамками земного тела! Смотри, пока ты способен прозреть будущее! Смотри, и всё запоминай! Все эти люди произойдут от тебя!

Одно изображение праведников сменялось другим, и Адам вглядывался в лица своих потомков, и весь трепетал. Вдруг он увидел младенца Давида.

– Властелин Вселенной! – взмолился Адам, – неужели эта святая душа не совершит никаких деяний в этом мире?

Взглянув на удивлённых ангелов, А-Шем ответил:

– Так predetermined...

Ангелы не сводили глаз с последнего творения А-Шема и не понимали, что происходит.

– Младенец Давид? – переспрашивали ангелы друг друга, показывая на сияние, исходившее от потомка Адама. – Чистая, невинная душа! Ему нечего делать среди смертных.

– И поэтому светлая душа должна, по-ва-Шему, прожить лишь три часа?! – со страхом вопрошал Адам. – Властелин Вселенной, сколько же ты predetermined прожить мне?

– Тысячу лет, – ответил А-Шем.

– Это много или мало? – спросил Человек.

– Для человека – это очень много, – заверил Создатель. – Пусть это будет тебе Моим личным подарком.

– А-Шем, а могу ли я тоже делать подарки? Для других? – поинтересовался Адам.

– Конечно, – ответил А-Шем.

– Тогда разреши мне даровать Давиду семьдесят лет моей жизни.

А-Шем пригласил ангелов и те стали свидетелями. Они тщательно составили первый в мире договор – эскем, в котором говорилось, что Давид бен Ишай получит семьдесят лет от жизни Адама. Ангелы подписали договор и отправили его на вечное хранение.

И вот когда прошло девятьсот тридцать лет, и А-Шем пришёл, чтобы лично похоронить Адама, тот запротестовал, уверяя, что это ошибка и никакого договора не было. Ангелам пришлось извлечь документ, в котором говорилось, что Адам дарил семьдесят лет своей жизни потомку, Давиду бен Ишай...

– Здесь Устная Тора лишь обозначила одну из самых непостижимых тайн истории, – сказал Давид.

– И в чём эта тайна, дедушка? – спрашивала Ребекка, стараясь не отставать.

– Тайна заключается в том, что и Адам, и царь Давид, и Машиах связаны друг с другом.

---

⁸ Ноах (ивр.) – Ной.

– Как такое может быть?

– Непостижимо, – повторил Давид и развёл руками. Ребекка взглянула на него и увидела морщинки у края смеющихся глаз деда.

– После грехопадения Адама, вкусившего плоды добра и зла от Древа Познания, – продолжил Давид, – Божественное Присутствие оставило Землю. Шехина вернулась лишь, когда царь Давид заложил в Иерусалиме фундамент будущего Храма, и дал наказ сыну Шломо построить земное прибежище для Божественного Присутствия. Но из-за греховности человека, Шехина снова покинула Землю, позволив Тьме разрушить Храм и увести народ в изгнание... В дни Геулы – человеческого освобождения от Тьмы, которое придёт в Конце времён, когда Шехина вернётся на Землю, Машиаху, как и Давиду, придётся построить фундамент для Храма, чтобы Божественное Присутствие окончательно поселилось на Земле. И будет Бог один и имя Его едино, и Власть над миром станет олицетворять Древо Жизни – символ единства и совершенства.

Князь и два каравана

Дед и внучка вошли в караульное помещение. Здесь их бодро поприветствовали знакомые стражники. Они пытались снять напряжение царившее в гарнизоне, играя в кости. Ребекка видела, как Давид оторвал одного из участников от игры и отвёл в сторону. Они говорили о чём-то приглушёнными голосами, а потом караульный снял с гвоздя связку ключей и протянул их Давиду. Давид дотронулся до кончика его бороды, и поцеловал пальцы, коснувшиеся её. Лицо караульного расплылось в улыбке. А Давид похлопал его по плечу, прощаясь и положил ключи в дорожный мешок.

– Пойдём! – позвал он внучку и они покинули караулку через чёрный ход. Они вышли у коновязи, где разродившаяся ослица аппетитно жевала траву прямо с телеги, задравшей оглобли к жаркому безоблачному небу. Давид, мельком взглянул на колодец, где несколько человек наполняли кожаные мешки водой. Ребекка тоже обратила на них внимание и подумала о князе, и о том, что это, должно быть, для него готовят караван, который ночью уведёт его подальше от возникшей опасности.

Ей снова вспомнились глаза юноши и то, как они проникли в неё и разбили ей сердце...

*****

После того, как Ребекка открыла Давиду свою тайну, он не только успокоил её и помог преодолеть страх, но и помог проявиться дару виденья слов. Теперь дед и внучка стали почти неразлучны. Ребекка изучала Тору, а Давид ей помогал. На протяжении всего года, пока не завершился цикл чтения Торы, они вместе входили по утрам в Дом Молитвы. Там, за занавеской, Ребекка с закрытыми глазами вслушивалась в пение старенького хазана. Обрамлённые в замысловатые мелодии слова поглощали её целиком, без остатка... Ребекка ненасытно впитывала их, запоминала, и снова возвращалась к словам хазана, из которых узнавала много нового о праотцах, праведниках и грешниках в своём народе, малой частичкой которого она всегда ощущала себя. А после молитв дедушка ей снова объяснял всё подробно, пересказывая события словами и образами из Устной Торы.

Для Ребекки это был воистину благословенный год! Год неугасающего восторга, слёз радости и молитв за народ Израиля. Но вчера... Вчера Давид посвятил её в тайну. И после этого её жизнь окончательно изменилась.

Когда Давид повёл её в Зал писцов, Ребекка даже не догадывалась о том, что ей предстояло узнать.

– В Зале писцов, – сказал Давид, – ты увидишь свитки пророков, с которых писцы создают копии...

– Зачем это нужно, дедушка?

– Может случиться так, что на протяжении многих лет об этих свитках забудут.

– Почему?

– Они предназначены далёкому будущему, а наши провидцы увидели страшные события, которые постигнут наш народ в скором времени. По этой причине Мудрецы приняли ряд важных решений. Одно из них – размножить и сохранить тексты ессеев, которые касаются воинов Света нового времени или, вернее, – Конца времён. Мы не переписываем тексты, как это делали всегда. Мы их размножаем посредством диктанта. Я диктую, а писцы из числа выпускников школы с голоса записывают пророчества о Конце времён. Мне нужна будет замена на перерыв и лучше тебя мне никого не найти.

– Но ведь это не по правилам! – испугалась Ребекка.

– Что тебя волнует? Что ты девочка? Так мы сделаем так, что никто и не догадается об этом. Мне нужна твоя помощь. Никому другому доверить это тайное задание я не могу.

Теперь Ребекке стало понятно, где Давид проводил все последние дни и ночи и почему забросил кузницу. Она вспомнила, как на её вопрос: «Когда бы он хотел снова родиться?», Давид не раздумывая ответил: «Нам не избежать рождения в пору Конца времён, мы, воины Света, придём в этот мир опять, чтобы сразиться с Тьмой. Нам предстоит снова сражаться и побеждать...»

Ребекка поняла, что Давиду важно её присутствие и, подавив страх, она спросила:

– Мы идём туда, где ты диктуешь слова пророка, обращённые в будущее? – спросила Ребекка и Давид согласно кивнул.

– Эти свитки пишутся для тех, кто родится в Конце времён? Так?

– Да.

– Для тех, кому предстоит сражаться в последней битве Света и Тьмы?

– Верно.

– И ты хочешь, чтобы я тебе помогала, потому что эти свитки будут спрятаны для нас?

– Для воинов Света будущего, – ответил Давид, улыбаясь уму и проникательности внучки. – Для тех из нас, чья душа снова придёт, чтобы вместе с Небесным воинством в последний раз сразиться с Тьмой и Велиалом.

– А в будущем мы узнаем друг друга, дедушка? – спросила Ребекка.

– Обязательно узнаем, душа моя! Мы всегда будем рядом. Ищи меня в своей семье и не ошибёшься... Ну что, готова?

– Мне страшно, дедушка!

– Не зная своего прошлого, трудно заглянуть в грядущее, – сказал Давид, набросил на голову внучки молитвенный платок, взял за руку и повел в Зал писцов.

Ребекка шла на деревянных ногах по длинному мрачному коридору и старалась не думать, что они нарушают законы школы и гарнизона. Но не думать об этом, было невозможно!

Они уже вошли в Зал писцов, где выпускникам диктовались слова пророчества, а Ребекка никак не могла прийти в себя. Рассеянным взглядом она окинула писцов, сидевших за длинным столом перед чистыми листами выделанной для письма кожи. Они не обращали на неё никакого внимания, готовясь к диктанту, чистили перья, засыпали чернильный порошок в склянки. А Ребекка тряслась со страху и всё ждала разоблачения, сидя на скамье, у самого края стола, куда определил её Давид. Она даже закрыла глаза, чтобы создать иллюзию спрятавшейся в темноте девочки. Но вскоре на смену страху пришло любопытство. Она стала прислушиваться к речи и даже наблюдать за последними приготовлениями писцов. А затем Давид приступил к диктанту.

– Война сынов Света против Сынов тьмы, – произнёс он и закричали перья по пергаменту. – Устав Войны. Первое приложение рук сынов Света при начале действий против жребия сынов Тьмы, против войска Велиала: против полчища Эдома и Моава и сынов Аммона, и войска Филистеи, и против полчищ киттиев Ашшура, и тех, кто с ними в помощь придут бесчестить Завет.

Давид прохаживался вдоль стола и читал отрывок из свитка, изредка заглядывая в пергаменты писцов. Иногда Давид медлил около кого-либо, повторял отрывок и, убедившись что фрагмент записан, переходил к чтению следующего. Когда Ребекка поняла, как ей следует вести себя и держаться, её внимание переключилось на писцов. Точнее на то, как под их перьями на пергаменте возникали святые буквы А-Шема. Как эти буквы собирались в отдельные слова. Как на коже они запечатлевали прозрения пророка.

Вскоре Давид привлёк её внимание, знаками подзывая к себе. Не прерывая чтения, он вручил внучке свиток, указал место с которого следовало продолжить диктант, повер-

нулся и молча скрылся в темноте коридора. Ребекке ничего не оставалось, как продолжить. Она вовремя вспомнила, что это послание адресовано будущим воинам Света, а значит ей и дедушке, и, возможно, ещё для кого-то из писцов, и её звонкий чёткий голос не подвёл:

«И придёт царь киттиев против Египта, а по окончании сего выйдет в великой ярости сразиться с царями Севера, чтобы в гневе истребить и отсечь рог своих врагов. Это время спасения для народа Божьего и конец власти над всеми людьми его жребия, и вечная гибель всему жребию Велиала!», – прочла Ребекка, глядя на выпускников школы, и все они сейчас были для неё воинами Света, с кем она в далёком будущем объединится для последней битвы с Тьмой.

Ребекка засмотрелась на то, как их медные перья заплясали над листами кожи. При свете масляных лампад, освещавших рабочие участки стола, выпускники школы ловко наносили буквы на тонко выделанную баранью кожу, превращая её в рукописи с тайными знаниями. Она представила, как в их совместном грядущем они прочтут собственное послание, и едва не задохнулась от восторга. Ей срочно нужен был простор, движение, и в подражание Давиду, Ребекка прошла вдоль длинного каменного стола, отделявшего её от писцов. Это была прекрасная идея, потому что теперь она могла рассмотреть каждого из них в отдельности, и, все же, всех вместе.

Писцы сидели на деревянной скамье. Выглядели они торжественно и строго. Расстояние между ними было в два локтя. У нечаянно опрокинутой соседом склянки с чернилами не было шансов залить чистые листы пергамента. Заполненные листы сворачивались в свитки и складывались в кувшины из необожжённой глины.

Ребекка шла вдоль стола и повторяла отрывок, всматриваясь в лица, и думала о том, понимают ли они что стараются для себя, воинов Света будущего?

«И придёт царь киттиев против Египта, а по окончании сего выйдет в великой ярости сразиться с царями Севера, в гневе, чтобы истребить и отсечь рог своих врагов. Это будет время спасения для народа Божьего и конец власти над всеми людьми его жребия, и вечная гибель всему жребию Велиала», – повторила Ребекка, и ей стало вдруг страшно и радостно.

Разглядывая выпускников, она пыталась понять что именно ощущают они? Воспринимают ли они слова, обращённые к будущим поколениям, так же как она сама? Словно она уже родилась в том самом будущем, в Конце времён. И живёт, и сражается с Тьмой в дни Геулы и прихода Машиаха...

А если нет? Тогда зачем все они здесь? Зачем изводят пергамент, заполняя его словами о грядущих несчастьях? Им что, своих мало? Нет-нет, это не так. Эти люди знают, что их труд направлен воинам Света будущего. В те времена, когда начнут сбываться эти самые пророчества о битве Света и Тьмы. И, хотя нынешние войны не менее страшны и губительны, а из Иерусалима к Кумрану выдвинулась карательная экспедиция, они здесь, чтобы перед лицом сегодняшней опасности успеть завершить послание в грядущее.

Ребекке захотелось запомнить их всех. Для себя она знала, что отыщет это послание в Конце времён, и что рядом будут всё те же люди, с их прежними, родными и знакомыми, не меняющимися лицами...

Теперь, почти с любовью, взирала она на этих людей, где среди прочих знакомых лиц, освещённых светом коптящих масляных ламп, выделялось безбородое лицо юноши, о котором она знала, как о князе, воспитанном братством, и что зовут его Йешуа.

Ребекка смотрела на него и ей казалось, что он чувствует также и думает о том же. Он мог бы отыскать её в будущем, в том самом Конце времён, о котором сейчас записывает на своём пергаменте...

Затаив дыхание она наблюдала, как рука юноши выводила буквы. Он писал, слегка приоткрыв рот, шевеля потрескавшимися от суховея губами... Ребекке почудилось, что губы

позвали её... Произнося слова, полные драматизма, которыми было описано будущее сражение, Ребекка приблизилась к юноше.

«На побоище военном три жребия одолевать сынам Света, поражая нечестие. И трижды воспрянет войско Велиала, чтобы отворотить жребий. И полки бойцов оробеют сердцем...» – произнесла она, подходя достаточно близко к юному князю. Теперь она была очень близко, чтобы разглядеть его внимательней. Красивое, смуглое лицо, глаза, устремлённые в свиток...

Ребекка мельком взглянула в пергамент Йешуа. Из-под пера князя выходили слова, которых она ещё не произносила. Это была завершающая фраза отрывка, оставленная ею для финала:

«...но могущество Божие укрепит сердца детей Света, и седьмым жребием великая рука Божия низвергнет Велиала и всех подвластных ему ангелов...»

Ребекка вспыхнула: Как такое могло случиться? Ведь она ещё только собиралась прочесть эти строки? Или она настолько увлеклась юношей... его губами... глазами, что прочла финал, даже не заметив этого? Как такое могло произойти? Она не могла прочесть слова пророка и не заметить этого... или всё же могла? Нет! Она точно помнит, что не произносила финала!.. Тогда почему его записал Йешуа?

Ища поддержки, Ребекка оглянулась на Давида. Но деда на месте не было. Между тем, она задержалась рядом с князем непозволительно долго и наказание пришло незамедлительно. Ребекка была разоблачена самим князем, когда он оторвал взгляд от свитка и с любопытством глянул в её глаза. Её щёки вспыхнули, дыхание сбилось и земля поплыла из-под ног. Чтобы не упасть, Ребекка облокотилась о край стола. Накидка упала, обнажив непокорную волну иссиня-черных волос. Девушка закашлялась, покрыла голову, и выбежала из Зала писцов.

В коридоре она столкнулась с человеком, который был в невиданной здесь одежде. От неожиданности он уронил на землю странную тонкую книгу, и та теперь лежала у ног Ребекки, светясь голубым огнём.

Не успела Ребекка испугаться, как пришелец улыбнулся ей. Улыбка показалась знакомой.

– Кто ты? – спросила она у незнакомца, но он молчал. А потом и вовсе исчез, словно и не было его вовсе. И книга его с голубым свечением, тоже растворилась в полумраке. Ребекка оглянулась – никого. Пришелец растаял. «Привидится же такое», – подумала она, и тут же увидела Давида.

– Дедушка! – радостно воскликнула Ребекка. – Это ты?!

– А кто ещё? – удивился Давид.

– Слава Богу! – выдохнула Ребекка.

– Здесь кто-то был? – поинтересовался Давид.

– Мне показалось, что я видела тебя... молодого и красивого... будто ты – воин Света будущего! – хихикнула Ребекка.

– Молодой и красивый? – переспросил Давид, улыбаясь Ребекке. – Воин Света? Один из тех, кому предназначается послание? – Охотно подхватил игру внучки Давид.

– Тот, кто и в будущем не оставит меня... кто разделит со мной трудные дни в Конце времён, – сказала Ребекка и обняла деда.

– Я люблю тебя! – крикнула она напоследок, и убежала.

Ребекка долго не могла уснуть. Юный князь пронзил её сердце и раскрыл их с Давидом секрет.

«Это ужасно! – думала она. – Что теперь о ней подумает Йешуа?.. Скажет ли он кому о том, что рабби Давид нарушил устав гарнизона и закон общины?.. Что привёл в зал писцов девчонку?.. А может быть, я понравилась князю? Хорошо бы, чтобы он тоже влюбился в меня! Тогда он не станет позорить дедушку... Господи! Пусть о нашей встрече с Йешуа никто и никогда не узнает! Амэн! Амэн! Амэн! Ладно... Тогда она тоже пока ничего не скажет дедушке!..»

Йешуа... Интересно, свидятся ли они когда ещё? Не в будущей, а в этой жизни? Пересекутся ли снова их пути? Дай Бог!..

Неожиданно Ребекка вспомнила, что как-то на базаре слышала от девушек из шатрового городка, что все они любят поворожить. Для этого они обращаются к цыганке, которой дали прозвище Зара... Ребекка улыбнулась, посчитав мысль, обратиться к Заре, удачной и немедленно уснула.

Назавтра, ни свет, ни заря, Ребекка была на Базарной площади. Легко разыскав, похожий на языческий праздник, разноцветный шатёр Зары, она обратилась со своей деликатной просьбой к цыганке. Но хитрая язычница отклонила её просьбу о ворожбе, ссылаясь на то, что мастер Давид не одобрил бы этого её поступка. Она посоветовала обратиться с вопросом к деду и не бояться поверять ему самые сложные моменты своей жизни.

Совет был мудрым, но Ребекка не могла поверить, что именно с бабушкой ей предстоит вести столь не простой для обоих разговор. Да и вообще, она никогда не думала, что Давид может стать тем человеком, с кем она сможет поговорить не о Боге, не о воинах Света будущего, а об этом... о таком... личном... сокровенном... Да, она всегда делилась с дедом своими тайнами, но они никогда не касались такого... женского... И Зара была права, рабби Давид выслушает её, и даже что-то посоветует. А совет мастера Давида дороже золота! Всё это так... Но сейчас Ребекка затосковала о матери. Ей всегда её не хватало, а сегодня особенно.

Бабушка говорил, что его Рут вышла замуж непростительно рано, когда ей было тринадцать лет. Сын священника Ашера из пределов Башана, приехавший к Давиду на обучение кузнечному мастерству, был немногим старше её. Свадьба была в Кумране, и молодые были счастливы, но когда у Рут родился мёртвый мальчик, Амос собрал пожитки и увёз жену в Гамалу.

Рут приехала к родителям, когда снова была на сносях. Дальняя дорога далась ей нелегко. Рут не перенесла роды, приведя на свет девочку, она успела дать ей имя и оставила мир. Так Ребекка и осталась с Давидом и Эстер. Они стали для маленькой Ребекки и отцом, и матерью. Но для беседы с ними о делах сердечных, у неё не хватает духу.

«Нет, – решила Ребекка. – Не сейчас. Подожду подходящего момента».

– У ворот крутился мэрагель, – вспомнила Ребекка раннее утро, поднимая взгляд на Давида. – Почему его не поймали?

– Чтобы он доложил, куда нам надо, что крепость живёт обычной жизнью, – улыбаясь, ответил он.

*****

Погружённая в мысли о том, как бы ей ночью незаметно улизнуть из дома, чтобы попрощаться с Йешуа, Ребекка и не заметила, что они вышли из хозяйственной части крепости. В руках у неё была уздечка недавно разродившейся ослицы Таки. На тоненьких и неуверенных ножках бежал за мамкой смешной плюшевый ослик, которому Ребекка тут же дала имя Моти. Они уже подошли к обезлюдевшей базарной площади, где у ворот в полном молчании двое бедуинов крепили на верблюдах поклажу, а четверо воинов гарнизона, обступив колодец, деловито наполняли водой кожаные мешки и лотки с плотно стоявшими тыквенными флягами. Запасы воды аккуратно укладывали на телегу, запряжённую двумя волами. Ребекка невольно засмотрелась на огромных животных, со стальными мышцами, обтянутыми красной и чёрной кожей с подпалинами на боках.

Краем глаза она заметила, как Давид подошёл к навесу и что-то извлёк из-под крыши, затем снова проверил упряжь, развязал и снова закрепил плетёные корзины.

Брошенный взгляд на повозку, заставил Ребекку задуматься. «А не караван ли это снаряжают в дорогу?» – догадалась она, но тут же засомневалась, с любопытством вертя головой, переводя взгляд с верблюдов на волов. «Не может быть, – думала Ребекка, – чтобы так рано

стали собирать караван». К тому же она не в силах была представить волов и верблюдов идущих вместе. «Нет, – решила Ребекка, – это не караван!»

– Ты кого-то ищешь? – спросил Давид внучку.

– Просто интересно, – ответила она, – верблюды, вола...

Сильные руки деда оторвали Ребекку от мыслей о караване. Давид приподнял внучку над землёй и бережно усадил на ослицу.

– Держи, – Давид вручил ей поводья и направился к воротам крепости мимо бедуинов и их верблюдов. Ребекка не удержалась, и спросила:

– Дедушка, а кому это с утра собирают караван?

– Уж точно не нам, – хитро ответил Давид, ухмыляясь наблюдательности внучки. – У нас с тобой свой и уже в пути.

Ребекка грустно улыбнулась:

– Да, свой. Ты да я, осёл, ослица и маленький ослик Моти. Пять душ!

– Да, уж какой есть, – посмеивался Давид.

– Значит, всё-всё предопределено Всевышним? – неожиданно спросила Ребекка. – И звёзды врут?! И судьбы не существует?!

– Милая, – остановил ишака Давид, и подошёл к внучке. – Что случилось? Откуда слёзы? – Давид протянул Ребекке флягу с водой. – Попей!

Ребекка сделала несколько глотков. Вода была свежая, прохладная и очень вкусная. Успокоившись, она шмыгнула носом и вернула флягу деду. Давид пить не стал. Он положил тыкву с водой в корзину, и сказал:

– Я никогда не говорил, что звёзды врут, а судьбы не существует, – он глядел на внучку и видел её всю, как есть, и он любил её такой, и желал ей счастья и добра. И теперь, когда она снова улыбалась, размазывая слёзы по личику, Давид сказал:

Всё это так. Мы признаём, что звёзды определяют способности и наклонности человека... Они предупреждают нас о весьма серьёзных вещах. Но вспомни слова А-Шема: «Я наделю человека, правом выбора. Он волен оставить всё, как предопределено нами, или может изменить свою судьбу сам».

– Но как?! Как, дедушка, можно изменить судьбу?

– Вспомни, что сказал А-Шем об Адаме: «Если он изменит свою судьбу, он изменит и судьбу Давида».

– И что это значит?

– Измени себя и ты изменишь то, что предопределено, свою и чью-то судьбу...

– А можно ли по звёздам определить будущее человека, дедушка? – спрашивала Ребекка.

– Конечно, можно, душа моя! – кивнул головой дед, и счастливая внучка прильнула к нему. – Но не следует обращаться к цыганам и халдеям, чтобы не усложнять всё их видением и пониманием. Ибо сказано: «Прост будь с Богом твоим».

– Как это, дедушка? – удивлённо спрашивала девочка, не веря в то, что Давид всё знал и только ждал от неё признания.

– Доверяй А-Шему, внучка. Доверяй во всём и не заглядывай в будущее. Ведь Всевышний иногда отменяет то, что предопределили звёзды.

– Неужели и так бывает? – вздохнула Ребекка.

– Бывает. Подобное называется чудом. И если ты что-то узнала из предсказания цыганки и не хочешь, чтобы было так, умножай соблюдение заповедей и молись. Нельзя пренебрегать предупреждениями и слепо полагаться на чудо. Чудо само не приходит. Его надо очень захотеть... и подготовить самому.

– Как это, дедушка?

– Любя, твори добро!

Адам, Хава и древо познания Добра и Зла

Их маленький караван направлялся в пещеры. Привычным маршрутом везли их ослы, не отвлекаясь на еду. Животные знали, что в конце пути их ждёт непременно лакомство – сладкие листья финиковой пальмы. Ребекка любила бывать в пещерах. До вчерашнего дня, ей казалось, что именно там, а не в кузнице, проходила самая загадочная и лучшая часть жизни Давида. И всегда, когда Давид брал Ребекку с собой в пещеры, она была счастлива, ведь там её ждут голуби и ханаанская овчарка Зев, которая сама пасёт безмозглых баранов, и хитрых, как сатан, коз, за которыми неотлучно следует вонючий козёл.

А ещё, из пещер был прекрасный вид на Море соли. Их ослы радостно спешили, предчувствуя хорошую еду, и Ребекка смотрела на деда, вспоминала, как увидела его молодым воином Света из их общего будущего, и улыбалась ему. Ей всегда было хорошо с ним. Он был для неё самым сильным, самым мудрым, самым уважаемым и самым любимым дедушкой. Она неизменно чувствовала его тепло и нежность к себе, и всегда ей было с ним спокойно, надёжно и безопасно.

– Разве ты не сказал, что мы отправляемся на Перекрёсток Судьбы? – спросила Ребекка у деда.

Давид согласно кивнул:

– Да, душа моя, – сказал он, – так и есть. Но прежде, мы должны всё приготовить. Или ты не рада навестить своих друзей?

– Конечно, рада. Я люблю с тобой бывать в пещерах. Здесь всегда спокойно, и хорошо думается.

– И о чём же ты думаешь сейчас? – спросил Давид у внучки, и та сказала:

– Я думаю о человеке. О Первом человеке – Адаме.

– И что же ты думаешь о нём?

– Думаю, что если бы А-Шем сразу дал ему Тору, то Адам бы не согрешил.

Давид несогласно замахал руками:

– А-Шем не ждал ни дня! – Категорично и страстно говорил Давид. – А-Шем создал Адама в шестой день творения, и немедленно стал обучать его Торе. Но грех в Райском саду, случился в тот же шабат. Познав плоды добра и зла от Древа Познания, Адам и Хава отбросили всё человечество далеко назад, и люди стали превращаться не в ангелов, как задумывал А-Шем, а в животных. Но А-Шем терпеливо ждал, и терпел все извращения людей, пока не родился праведник Ноах.

– Расскажи, дедушка, всё по порядку.

– Когда А-Шем создал человека, Он придал ему двойственную природу, изначально включив в своё творение противоречия, справедливо полагая, что лучшая его часть станет стремиться к свету и добру.

– А худшая?

– Худшая часть человека, должна была скрываться в тени, потому что неизменно стремится к тьме и управляется злом. Первый человек стал вершиной всех созданий Творца. Он был настолько прекрасен внешне, что А-Шем произнёс: «Это хорошо», и повелел помощникам позвать остальных ангелов.

Окружившие их ангелы, увидели в Первом человеке совершенство и преклонили перед ним колени. Они восприняли его красоту, как отражение величия и святости. И ангелы воспели Адаму хвалу, провожая к Райскому Саду по умощённой цветами дороге.

– Кадош, Кадош, Кадош!⁹ – восклицали серафимы, а тем временем, А-Шем решил, что пора дать человеку женщину, чтобы множили они на земле святость, красоту и добро. И сказал А-Шем:

– Дам Я ему помощницу – кенегдо¹⁰.

Услышали то ангелы и удивились, а Ангел Обвинения спросил:

– Соответственно ему создашь, или же, против него?

– Если будет муж вести достойную жизнь, то жена станет ему поддержкой, соответствуя ему, а если нет, то будет она противником.

– Так вот для чего нужна жена! – рассмеялся Ангел Обвинения.

– Чтобы соответствовать в любви и радости, – сказал А-Шем.

– И противостоять в ненависти и злобе! – сказал Ангел Обвинения – Сатан – и добавил: – Я думал, Ты создаёшь существо, действительно подобное Ангелу. А ты просто взял, и вылепил ещё одно животное. Тебе мало остальных? Их уже столько, что мы даже не знаем, как их всех зовут! – закончил он под дружный смех ангельского сонма.

– Сатан! – оборвал смех А-Шем, обращаясь к Ангелу Обвинения так, что все немедленно умолкли. И тогда А-Шем потребовал от Сатана:

– Приведи немедленно всех животных! – и Ангел Обвинения исполнил приказ незамедлительно. Стада животных стояли у врат Райского Сада.

– Называй! – потребовал А-Шем у Сатана. – Посмотри хорошо и дай имена, им соответствующие, чтобы закрепились за ними до Конца времён!

Сатан долго всматривался в глаза животных, рассматривал их сверху и снизу, но не знал, что ему взять за основу.

– Называй ты! – Приказал А-Шем Архангелу Самаэлю, но и он оказался в затруднительном положении, хотя и считался смыслённей многих.

Ни один из ангельского сонма не был в силах исполнить приказ А-Шема – дать животным имена, соответствующие их внутренней сути. И тогда А-Шем объяснил ангелам:

– Каждый из вас создан для выполнения только одного вида задания. Ваш разум слишком прямолинеен. Вы и понятия не имеете о качествах и свойствах человека. Кроме тех, которыми Я наделил вас, вы не обладаете другими, присущими только Человеку. Он всеобъемлющий микрокосм, который содержит в себе склонности и свойства всего созданного Мною в шесть дней Творения. Человек – единственный, кто способен из огромного разнообразия живых существ уловить все их характерные особенности. И ваши тоже.

Чтобы доказать это, А-Шем обратился к человеку:

– Вот животные. Подбери им подходящие имена.

Наблюдавшие ангелы слышали, как человек ловко, почти не задумываясь, давал имена:

– Вот это – хамор – осёл. Это – сус – конь, а вот этот – гамаль – верблюд.

Ангельский сонм был оконфужен. Все были потрясены. Ангелы впервые испытали унижение. Названия, выбранные Адамом, исключительно точно отражали уникальные особенности животных, и закреплялись за ними до Конца времён. И когда человек закончил, А-Шем довольно спросил у него:

– И какое же имя будет у тебя?

– Я сотворен из земли – адамы, и меня надо называть Адам – землянин.

– Тогда как Моё Имя?! – спросил А-Шем у Адама.

– Адонай – Господь, – выдохнул Адам в ответ, – ибо Ты Господин над всеми созданиями!

А-Шем остался доволен, ангелы были потрясены и поставлены на место, а животные навеки обрели свои имена.

---

⁹ Кадош! Кадош! Кадош! – Святой! Святой! Святой!

¹⁰ Кенегдо – ивр. – имеется двойкий смысл: «соответственно ему» и «против него». Именно поэтому Ангелы уточняют.

Но тут, на радость униженным ангелам, Адам проявил своё животное начало:

– Адонай! – воскликнул он, указывая на стада животных. – Посмотри! У всех, кроме меня, есть пара...

А-Шем не дал ему договорить. Он снова наслал на Адама сон, чтобы сделать то, что задумал изначально. И пока человек спал, А-Шем рассёк тринадцатое ребро, отделил от мужского женское, и в ноздри женщины вдохнул жизнь. А когда оба очнулись, А-Шем подтолкнул Адама к женщине, сказав:

– Это Хава. Иди к ней! Она часть тебя самого. Вы были одним целым. По твоему желанию Я разъединил вас, но сохранил в твоей природе способность прилепиться к ней.

*****

– Тебя благословил А-Шем! – воскликнул Адам, подходя к Хаве. – Ты часть меня самого, вот от этого ребра, и будешь называться – иша – женщина, ибо взята была из мужчины¹¹.

Неожиданно, сердца Адама и Хавы сжались. Их посетила любовь. Она пришла вместе с Небесными ангелами, от которых исходили трогательные звуки первой на земле музыки. Всё на земле было первым: человек и его проявления в мире, чувства и то, что вызывало их. Музыка вливалась им в уши и касалась сердец, вызывая смех, слёзы счастья, любовь и благодарность А-Шему. Едва созданный мир погрузился в музыку, которую, специально для Адама и Хавы, сочиняли ангелы. Они исполняли её на сложнейших инструментах из ангельского оркестра, и эта музыка была тонка, нежна, и незащитна, как сам человек. И отзывались сердца Адама и Хавы слезами умиления, смиренностью и восторгом.

Но вот зазвучала музыка других ангелов, и была она смелее и раскованней. И на смену торжественной строгости, пришли неудержимая радость и бесшабашная удаль! Люди пустились в пляс, а за ними весь ангельский сонм! И в небе плясала луна, и звёзды, и даже утреннее солнце.

С восходом солнца, четыре ангела развернули огромное белоснежное покрывало. С ним проследовали ангелы до середины Сада, где растянули края покрывала, на манер шатра, и подняли его над собой, чтобы А-Шем ввёл в него Адама и Хаву, чтобы благословить их на вечный союз, и начать брачную церемонию.

*****

К свадьбе ангелы соорудили столы из драгоценных жемчугов. Они были составлены в ряд, и теперь заполнялись изысканной едой. Во главе стола уже возлежали Адам и Хава. Ангелам, прислуживающим новобрачным, А-Шем сказал:

– Разливайте вино в бокалы! И пусть вкусят от всех плодов, что есть на столе.

А-Шем лично обратился к молодожёнам, сказав:

– Не следует в свой праздник ограничивать себя. Вкусите же и плоды духовной природы. И пусть они возвысят вас.

Адам был счастлив. Он сразу полюбил Райский Сад, и, видя это, А-Шем сказал ему:

– Возделывай Сад и храни его. Твой сад – это Тора. Она содержит шестьсот тринадцать заповедей. Для начала я дам тебе лишь шесть запрещающих. Я уверен, ты справишься с ними. Отныне налагается запрет на поношение и осквернение Имени Творца, запрет на идолопоклонство, запрет на кровопролитие, прелюбодеяние, лжесвидетельство и воровство.

– Во времена Ноаха, – напомнил внучке Моше, оглядываясь на неё. – А-Шем был вынужден добавить ещё один, седьмой запрет. О том, как далеко ушли люди от Торы, насколько низко

---

¹¹ мужчина на святом языке – иш, женщина – иша.

пали, говорит сама заповедь, запрещающая употреблять в пищу кровь или плоть не убитой твари. С тех пор, эти законы составляют Семь Заповедей для потомков Ноаха, и являются обязательными для исполнения всеми людьми на Земле.

*****

– Но вернёмся к Адаму И Хаве. А-Шем создал их в канун святой субботы, и едва гости и новобрачные пресытились едой и танцами, Творец занял Адама изучением правил, связанных со встречей царицы дней. И пока Адам постигал смысл шабатного покоя, когда уместны одни лишь молитвы, необременённая занятиями женщина, ходила по Раю и наблюдала за тем, как на её глазах сад разрастался всё новыми деревьями, цветами и диковинными плодами, становясь ещё величественнее и краше. Она была крайне удивлена и вслух спросила:

– Что происходит?

Неожиданно она услышала в ответ чей-то несколько сконфуженный голос.

– Хотя видимых причин для этого не существует, уверяю, что мы наблюдаем ускоренный рост сада, вызванный духовными стараниями твоего мужа.

Хава подняла голову, и увидела ангела, висевшего вверх ногами. Ему было неудобно, он застрял между ветвями дерева, смял крылья и, вот-вот, был готов упасть и повредить своё рукотворное А-Шемом тело. Хава испугалась и вскрикнула:

– Что ты там делаешь? Немедленно слезай, разобьёшься!

– Дело в том, что я застрял.

– Но как ты туда попал?

– Прилёт отдохнуть на травинке, а проснулся на дереве. Вот в таком неприглядном виде. Ты ведь сможешь мне? – жалобно произнёс ангел.

– Конечно! – искренне отозвалась Хава. Довольный обещанием помочь, ангел продолжил славословить Адама.

– Святость Адама велика, – улыбался ангел Хава. – Видишь, как от его молитв разрастается Райский Сад? Я чуть не свалился с дерева, которое выросло до неба из одного крохотного семени, которое оказалось подо мной, когда я лег спать.

– Неужели, это всё от молитв Адама? – не могла поверить Хава, и ангел ответил:

– Можешь не сомневаться! Молитвы – это единственная святая работа в Саду и поручена она твоему мужу. Мы видим результат его работы своими глазами. – Освобождённый Хавой ангел теперь кружил по Саду, демонстрируя ей всю красоту Рая.

– Полюбуйся! – восклицал он. – Сад становится ещё краше. Он никогда не оскудеет от святой работы твоего мужа. Думаю, А-Шем счастлив. Мы тоже счастливы, ведь теперь святость Адама очевидна для всех.

Ангел вернулся к дереву, выросшему за время его сна, осмотрел его, покачал головой, и добавил:

– Святость Адама огромна! И скажу по секрету, А-Шем хочет открыть Адаму всю Тору. Все шестьсот тринадцать заповедей!

– Все шестьсот тринадцать? – переспросила Хава, и ангел кивнул.

– Вчера А-Шем хвалил прилежность Адама, – похвасталась женщина, – но это касалось только шести запретных заповедей.

– А где Адам теперь? Чем занимается? – уважительно поинтересовался ангел.

– Не знаю, – честно сказала Хава.

– Как раз сейчас, А-Шем даёт Адаму наставление по одной очень важной заповеди, касающейся его потомков.

– У Адама будут потомки! – обрадовалась известию Хава, а тот прошептал на ухо:

– Соблюдение этой заповеди определит судьбу всего мира.

- Откуда ты это знаешь? – любопытствовала Хава.
- Я же ангел, – скромно потупил взгляд тот. – Мне знать положено.
- Тогда в благодарность за то, что помогла тебе не свалиться с дерева, скажи, что А-Шем заповедал Адаму и моим потомкам? – умоляла Хава.
- Не есть от Древа Познания Добра и Зла, – сказал ангел и неожиданно исчез. Хава оглянулась. Никого.
- А где оно у нас, это дерево? – спросила она и отправилась на поиски.

*****

А Сатан от Хавы вернулся на Небеса и собрал вокруг себя ангелов, чтобы рассказать о плане, как поквитаться с Адамом за чрезмерную святость и посрамление ангелов. Задумались ангелы, как заставить Адама согрешить перед своим Творцом.

Самым осведомлённым среди них, оказался Самаэль. Он сказал:

- Есть одно существо, обиженное и на А-Шема и на Адама.
- Кто же это? – удивились ангелы.
- Тот, кого мы создавали Человеку, как помощника.
- И как его имя?
- Имя, которое дал ему Адам – Нехаш (змея) – вызвало в нём несогласие и ненависть к Адаму, и он будет готов на всё, чтобы погубить человека. Я теперь же отправляюсь на Землю, чтобы отыскать его. Он поможет нам сделать так, что Адам будет изгнан из Райского Сада, чтобы в поте лица его, добывать хлеб свой, и в муках рожать безбожников...
- Как такое возможно? – удивились ангелы.
- С помощью Змея, – сказал Самаэль, – мы поможем Адаму нарушить одну из запретных заповедей.

*****

Змей ходил по аллее Райского сада, закинув руки за спину. Он не торопился приступить к своим непосредственным обязанностям – прислуживать Адаму. Зачем? Ведь с ним теперь рядом был сам А-Шем. Змей в тишине сада лелеял тайную обиду и ревность. Нехаш обследовал все уголки Райского сада, перезнакомился со всеми ангелами, изучил, что и где растёт, испробовал на запах и вкус, а из головы его всё никак не шла обида, нанесённая ему Адамом. Змей брюзжал до тех пор, пока не увидел, что за ним наблюдает ангел Самаэль.

- Поделись обидой, – сказал ангел и Змей открыл рот:
- А-Шем сделал меня помощником Человеку. Я высокий, красивый, хожу на ногах, хватаю руками, говорю и понимаю всё сказанное! Обладаю хитростью, умом и коварством. А он – землянин – меня обозвал как животное. И теперь я буду носить это прозвище до скончания времён! А-Шем видел мои унижения, и ничего не сказал. А я ведь совсем рядом с ними был: вот тут я, вот тут А-Шем, а там – Адам. И вот Адам к великой радости А-Шема, даёт имена животным. «Хамор» – похоже передразнивал змей Адама, – «Сус», «Нэхаш».

Змей смешно подражал голосу Адама, но в сердце его кричала нешуточная обида.

- «Нэхаш» – что это за имя такое? – спрашивал змей у Самаэля. – Неужели А-Шему может действительно нравиться такое имя? И что стоило Ему вмешаться? И сказать человеку: – эй, осторожней! Это Моё создание для услужения тебе, человеку, землянину. Береги его! Второго такого красавчика нет! И уже не будет!
- Ты мог бы стать мудрым и хитрым помощником не только человеку, но и ангелам, – улыбался Самаэль.
- Мало кто мог бы сравниться со мной в хитрости, – согласился змей. – А что это ты задумал?

– Подружиться с тобой хочу. Узнать, насколько ты умён. Сможет ли твоя хитрость сделать так, чтобы никто не догадался, что мы подружились?

Польщённый змей в почтении склонился перед ангелом, а тот бесцеремонно сбил змея с ног. Поставив того на четвереньки, ангел уселся сверху, и змей уже не имел ни сил, ни желания сопротивляться. И тогда дух Самаэля полностью овладел змеем, и направил того разыскивать Адама.

И нашёл Нехаш Адама в компании с женщиной и двумя ангелами. И стояли они у самого Древа Познания.

– Нэхаш, – скромно представился змей. – Создан А-Шемом для услужения Адаму.

– А что ты можешь? – проявила заинтересованность женщина?

– Всё! – искренне признался Змей, расплываясь в улыбке. Ему сразу понравилась Хава. Теперь план Самаэля погубить Адама, он счёл весьма полезным и даже дальновидным. Он не сомневался, что после смерти Адама, женщина будет принадлежать ему.

Теперь мысль извести Адама, показалась ему весьма достойной целью, и он был готов незамедлительно приступить к намеченному плану. Змей сразу стал действовать через женщину. Он решил сойтись с ней поближе, и окружил её со всех сторон своим вниманием.

– Я умею говорить и слушать, – хвастал перед Хавой змей, хитро начиная издалека. – И мне открыты кое-какие тайны.

– Тайны? – Заинтересовалась Хава. – И какие же тайны тебе открыты? – спросила она змея.

– Ангельские и даже Божественные.

– Например? – не поверила Хава змею.

– Например, то, что А-Шем запретил вам вкушать от Древа Познания.

– Ну и что? – спросил Адам, позёвывая.

– А то, что этим самым запретом сильно ограничивается ваше участие в освящении Имени вашего Создателя.

– Да? – огорчилась Хава.

– Как это? – не понял Адам.

– Вы чистые, неиспорченные, возвышенные натуры, которым не присущи никакие злые побуждения, – говорил змей.

– Да это так, – соглашалась Хава.

– Вот видите, – разочарованно произнёс Нэхаш. – Всё оказалось до неприличия просто. Вы уже по великой любви А-Шема созданы совершенными. Но существует разница между теми, кто были созданы святыми, потому что Творец любит их, и теми, кто стали святыми, потому что их собственная любовь к Творцу оказалась неизмеримо велика. Эту разницу можно понять, только отведав плодов с Древа Познания. Стоит вам вкусить запретный плод, как вы столкнётесь с неизвестными вам «Добром» и «Злом», которые скрываются в самих вас. Можете преодолеть в себе своё зло, и вы совершите добро, и сами возвыситесь в духе, и по-настоящему, по своей любви великой к Нему, сможете освятить Имя.

Змей превзошёл себя. Его доводы запутали всех. Адам долго думал об этом, пока не уснул. Тогда змей продолжил разговор с женщиной:

– Скажи, Хава, разве запретил вам А-Шем, есть плоды в этом саду?

– Нет, не запретил.

– Правильно. Они и созданы все, для того, чтобы их есть.

– Нам разрешено есть плоды от всех деревьев, кроме этого. Адам сказал, что к нему запрещено даже притрагиваться. Если мы нарушим запрет – умрём. Так А-Шем объяснил Адаму.

Самаэль знал, что на самом деле Адам самовольно наложил этот запрет на себя и на Хаву, чтобы даже не приближаться к столь опасному дереву. Он подсказал змею, где самоволие Адама давало лазейку к доверию Хавы и её сомнению.

– Знаешь ли ты истинную причину, по которой А-Шем запретил вам есть эти плоды? – Змей лукаво посмотрел на Хаву, пытаясь усыпить её бдительность рассказом.

– Всякий искусный мастер ненавидит своих соперников, – зловеще шептал змей на ухо Хаве. – Сам А-Шем ел плоды от Древа Познания, и только благодаря им, Он сотворил Вселенную. А сейчас Творец запрещает вам вкусить тех плодов от древа, чтобы вы не смогли уподобиться Ему, чтобы не могли и помышлять о создании своих собственных миров!

С этими словами, змей подтолкнул Хаву к дереву, и она с криком отчаянья оперлась о ствол:

– Предатель! – бросила она Змею, ожидая мгновенной смерти, но не умерла.

– Вот видишь, – радостно заметил змей, – ничего не случилось! Ты всё так же жива, хотя твоя рука на Дереве Познания. Так может быть, Адам обманул тебя? И если ты отведаешь плодов, с тобой снова ничего не случится, как не случилось, когда ты прикоснулась к запретному дереву? – Змей, улыбаясь, протягивал ладони полные нежнейших, пахнущих свежестью плодов тёмно-фиолетового цвета, похожих на крупную луковицу. На месте, где плоды крепились к ветке, выступили жемчужные слезинки. Хава осторожно слизала жемчужину языком, и съела нежнейший плод целиком. Было необычайно вкусно. Казалось, это удовольствие будет длиться все тысячу лет, обещанные А-Шемом Адаму. Но едва Хава собралась сказать змею, что, похоже, и здесь Адам обманул её, как увидела перед лицом своим ангела Смерти. И тот заглянул в её глаза, и остудил ей душу...

Испуганная Хава закричала, разбудив Адама. Возбуждённая, вся в слезах, она протягивала горсть плодов запретного древа Адаму и, оглядываясь на исчезнувших ангелов, в отчаянье и кричала:

– Адам! Если мы умрем, то оба! Слышишь? Оба! – настаивала она, протягивая ему плоды. – А если будем жить, то тоже оба! Ешь! И ни о чём меня не спрашивай!

Адам с ужасом глядел на Хаву и на мятые плоды в её руке и отказывался верить, что запрет А-Шема так легко был нарушен его женщиной. Он наотрез отказался есть плоды, думая о том, как рассказать А-Шему о постигшем горе, но Хава заголосила! Она рыдала, причитая, что не хочет умирать одна, и что змей с ангелами обманули её.

– Если ты думаешь, что тебе по какой-то причине дадут новую Хаву, – кричала она, – то не рассчитывай! После шести дней творения А-Шем ничего нового под солнцем создавать не намерен! Но если ты полагаешь, что после моей смерти останешься жить один, то на это тоже не рассчитывай! Как бы ни так! Без меня ты здесь тоже никому не будешь нужен! Ты не сможешь один родить своих великих потомков! Для нас двоих будет лучше оставаться вместе и в жизни и в смерти.

– Но как это возможно?! – отступал от Хавы Адам, а та приближалась, протягивая ладони с раздавленными плодами, и умоляла не оставлять её одну.

– Съешь, умоляю! И мы разделим одну судьбу!

Адам разжалобился. Уступил напору женщины. Он съел плод и сразу почувствовал, как у него стал меняться характер. В нём точно поселилось зло, и пришло запоздалое понимание того, что он только что изменил мир, разделив его на две половины – добра и зла, рая и ада. И что райский сад для него и его потомков теперь навечно утерян.

Когда произошло это первое грехопадение Адама, Божественное Присутствие – Шехина – покинуло землю и удалилось на первое из небес. И люди стали превращаться в животных.

Ненавистные поколения потопа

– Из-за ошибки Адама и Хавы, вкусивших плоды Древа Познания Добра и Зла в наш мир вошёл ангел Смерти. Он ограничил жизнь человека, отнял его рост, силу и знания, превратив из властелина мира в ничтожного раба своих звериных страстей и потребностей... И чтобы исправить содеянное Адамом и Евой, и вернуть ангела Смерти к его сонму, А-Шему понадобится ещё шесть тысяч лет, и особенный народ, с которым Творец заключит Завет. Но лишь через 20 поколений в мир пришли прародители этого народа – Авраам, Ицхак и Йаков.

– Все поколения от Адама до праведника Ноаха, вызывали гнев А-Шема. И во времена Шета – порочных потомков Каина, и потом, в поколении Эноша, осквернившего Имя Творца. И те, кто стали поклоняться солнцу и луне, звёздам и созвездиям. В их жизни больше не было места А-Шему. Они строили храмы небесным светилам, воздвигали алтари и наделяли небесные тела силой, ни им, ни А-Шему не принадлежащей. Они исследовали тайны Вселенной. Подчинив себе искусство колдовства, они извлекали волшебную силу из нечистых источников, и зашли в этом так далеко, что добровольно отдали себя в руки демонов, которым преклонялись. Четырежды карал А-Шем это поколение за грехи, производя изменения в законах природы. За идолопоклонство, совершаемое в горах, Он сделал плодородные склоны гор скалистыми. Второе изменение коснулось природы смерти и святости тела. Вплоть до поколения Эноша, А-Шем сам отбирал жизнь, сохраняя при этом святость тел. Теперь же, эта работа была поручена ангелу Смерти, и Сатан, прежде чем прибрать душу, болезнями разрушал всяческую святость тел. Изнутри. Он менял лица людей, гасил свет и святость настолько, что они стали походить на обезьян. Последним предупреждающим знаменем для поколения Эноша, стала океанская волна, смывшая треть суши. И когда А-Шем оплакивал греховность человека, перед Ним появились два ангела: Азаэль и Шамхазай.

– Властелин Вселенной, – осторожно спросил ангел Азаэль. – Разве до сотворения человека мы все не говорили Тебе, что человек будет недостойным существом во Вселенной?

– Если Вселенная существует не ради человека, – возразил в сердцах А-Шем, – то какой цели, по-ва-Шему, она служит?!

– Разве ангелы – это не достаточная причина для её существования? – спросил ангел Шамхазай. На это А-Шем ответил:

– Знаю Я, что если бы вам пришлось обитать на Земле, вы стали бы намного хуже их, значительно умножив злые побуждения, присущие людям.

– Позволь нам жить среди смертных! – С надеждой произнёс Шамхазай. – Позволь нам это, и Ты увидишь, как мы освятим Твоё Имя на Земле!

– Хорошо, – согласился А-Шем, – спускайтесь в мир людей и делайте так, как сами предложили.

И стали Азаэль и Шамхазай жить на земле, среди людей, и не смогли противостоять женским искушениям. От тех союзов произошли на земле великаны, творившие грех убийства, прелюбодеяния и разбоя. Эти исполины с легкостью корчевали кедровые деревья, не замечая ни львов, ни пантер. Они не знали физических страданий, сеяли – раз в сорок лет, и земля давала им урожай на другие сорок лет. Ведь в те времена на Земле не было ни холода, ни жары, ни смены времён года. У людей было много времени и сил, которые они направили против А-Шема, занимаясь идолопоклонством, прелюбодеянием и кровопролитием.

От исполинов, рождённых от ангелов, люди узнали о колдовстве и стали служить идолам. Их развращённость была немыслимой. Игнорируя заповедь А-Шема: «Плодитесь и размножайтесь», они стали избавляться от не рождённых детей, убивая их в утробе матери. Мужчины легко обменивались женами, погрязшие в грехах судьи устраивали им любые «брачные договоры», даже с животными. Судей грабили разбойники, да и люди вели себя не лучше грабите-

лей. Они толпой набрасывались на наживу, и отбирали всё. Хватали чужое по крохе, но так, что не оставалось ничего. Соседи запросто расширяли свои земельные владения, ночами передвигая межевые знаки. Они отбирали скот у вдов, сирот и калек. Бедные люди, опасаясь грабителей, предпочитали ходить нагишом.

Были и мудрые правители, такие, как Кейнан, Маалель, Йеред. Они были могущественными, но их поколения были растленны. Исключением из своего поколения был и Ханох. Он долгое время жил отшельником, совершенствуя свой дух вдали от городов и людей. Но однажды, двуногие с обезьяньими мордами набросились на него, и тогда, чтобы защитить Ханоха, с Неба спустились огнедышащие кони, и праведника живым увезли в Небесный Сад. В своём поколении, Ноах¹² оказался единственным, на чьей праведности держался мир. Поэтому, когда А-Шем решил уничтожить всех людей в наказание за их преступления, он сообщил об этом ему.

– Я сотворил мир со всем, что в нём есть, ради человека, а теперь Я стыжусь этого и постараюсь смыть свой стыд. Пусть Потоп уничтожит весь человеческий род, а с ним смоет почву, по которой ходил человек, и погрузит самые высокие горы на глубину в три тфаким.¹³

А-Шем повелел Ноаху сделать ковчег из дерева гофер, чтобы он состоял из трёх этажей: нижний – для гадов земных, средний – для животных, а верхний для семьи его.

– Пусть он состоит из совершенно отдельных клетей, – наставлял А-Шем Ноаха. – Покрой ковчег изнутри и снаружи смолою. Ступай на реку Пишон и возьми там драгоценных камней, что будут освещать ковчег. Я хочу, чтоб ты знал, что Потоп уничтожит всех тварей живых, но ты войдешь в ковчег с теми тварями, что я укажу, и будешь жить в нём, заботясь о них. Ты и твои сыновья, твоя жена и жены твоих сыновей. Завет будет охранять тебя, так что нечестивцы из твоего поколения не смогут причинить тебе никакого вреда, несмотря на всю свою силу, и не смогут помешать тебе войти в ковчег.

Ноах не стал просить А-Шема о милости ко всему миру. Вместо этого он приступил к постройке ковчега, который должен был стать ежедневным предупреждением о приближающемся Потопе за грехи людей. И так, все 120 лет, пока велось его строительство.

А-Шем очень подробно объяснил Ноаху всё: то, как следует посадить деревья, и когда их следует сажать, чтобы они выросли до нужных размеров и в нужный срок. А-Шем поведал праведнику, как растить деревья, чтобы они не нуждались в дополнительной обработке. Это было не единственное чудо, которое можно было видеть своими глазами. Время строительства ковчега изобиловало чудесами. Они привлекали любопытных. Множество бездельников посетило строительство невиданного доселе сооружения. И чем дальше, тем ковчег сильнее привлекал к себе внимание любопытных, и каждый желал получить ответ: что же это за штука такая? И зачем она строится тут, так далеко от моря? Но каждый раз, когда в ответ на свои вопросы люди слышали, что Потоп приближается за грехи человеческие, они смеялись, называли Ноаха сумасшедшим, и даже, проклинали его. А он призывал их остановиться и опомниться, задуматься и что-то постараться понять, а поняв – покаяться.

Из года в год строя ковчег, ежедневным своим трудом исполнял Ноах заповедь А-Шема. И всё сильнее очищалась его душа. И всё большая пропасть непонимания и ненависти отделяла его от остающегося в прошлом поколения.

– Ты должен спастись, ибо Я выбрал тебя в праотцы всех грядущих поколений. Но чтобы ангел Смерти не спутал тебя с прочими, скроешься в ковчеге с первыми каплями дождя, и не показывайся всё время, пока тот будет опустошать мир, – сказал А-Шем Ноаху, и удалился, чтобы в Своей великой скорби оплакать неразумное человечество.

---

¹² Ноах – человек, несущий облегчение и утешение в работе. Он был первым, кто родился с раздельно двигающимися пальцами, что облегчало ему ручной труд. Чтобы возделывать землю он изобрёл лемех, лопату, серп, приучил животных, и земля стала плодородной.

¹³ Три тфаким – около 30 см.

И за семь дней до начала Потопа, изменил А-Шем законы природы. Теперь солнце восходило на западе, а садилось на востоке, и люди погрузились во всеобщий хаос.

– Продолжим позже, – сказал Давид, едва на дороге показался волк свирепого вида.

Сон о Шахаре и ханукальном чуде

– Зэев¹⁴, – позвал Давид и ханаанская овчарка с разбойничьим именем, унаследованным вместе с внешностью своего дикого родственника, приветливо помахала хвостом. Пёс подбежал к Давиду и дружески потёрся о его ногу. Лизнув Ребекку в лицо, Зэев немедленно пересчитал ослов, и улёгся в тени, рядом с входом в пещеру.

Ребекка с удовольствием растянулась на соломе рядом с Зэевом, и засмотрелась на синюю полоску Моря соли. Мысли о Йешуа вернулись, а сердечко щемило, и беспокойно просилось наружу.

«Если это любовь, – думала Ребекка, – то, как же сильно она отличается от чувства, которые дарила ей уютная и безопасная любовь дедушки. Так зачем мои мысли снова и снова обращаются к юному князю, дедушкиному ученику, писцу Йешуа? Зачем мне нужно ещё раз увидеть его глаза?»

Точно прочитав её мысли, дедушка Давид произнёс, присаживаясь рядом:

– Соединение пар – непростое дело для Всевышнего. Случается, что женщина может быть предназначена Небесами одному, а достаётся другому. И тогда кому-то надо приложить усилия, чтобы Небеса исправили ошибку.

– Значит, дедушка, за любовь стоит бороться?

– Обязательно! Никаким законам любовь не подчиняется. И нет в этом созвездий у сыновей Израиля.

Давид ушёл готовиться к походу, а Ребекка обдумывала его слова.

*****

Пещера была просторной и прохладной. В её верхней части был колумбарий, где жили своей жизнью голуби, которым дед каждый раз подсыпал корма из холщового мешка и наливал глиняным черепком воду из дождевой бочки. Для этого он поднимался по приставной лестнице, которую откуда-то приносил и каждый раз, спускаясь, убирал неизвестно куда. Ребекка сидела рядом, на свежем настиле из соломы, пахнувшей разнотравьем, и глядела вдаль, на бирюзовую полоску Моря соли, вспоминая то, как они с дедушкой, в канун праздника Светлой Хануки¹⁵ заглянули в кузнечную лавку.

*****

Ветер утих и под вечер, прошёл весёлый зимний дождик. Он прибил пыль на дороге, городской площади, в крепости и на крышах каменных домов, покрытых оранжевой черепицей. Дождь освежил воздух, наполнив его лёгким привкусом ожидаемого чуда.

На улице, перед входом в кузнечную лавку, сыновья Давида с друзьями сооружали тяжёлую ханукию¹⁶, похожую на менору из Первого Храма, а их дети, двоюродные братья Ребекки, тут же, под навесом лавки, азартно вертели деревянные волчки. Мальчишки обыгрывали друг дружку, расплачиваясь сладостями и сдобой. Не прерывая игры, они весело ответили на приветствие Ребекки и деда.

Маленький Шахар, уже проиграл все сладости и утратил интерес к игре, и теперь был рад хорошему поводу покинуть компанию. При виде Ребекки, он радостно устремился к ней.

---

¹⁴ Зэев – волк

¹⁵ Ханука – праздник очищения Храма от языческих кумиров, освящения и обновления прерванной службы

¹⁶ Ханукия – светильник с девятью масляными лампами

– Идём к сёстрам, Ребекка, – сказал он, беря её за руку, уводя от мальчишек. – Девочки загадывают сокровенные желания! – шёпотом сообщил он.

– У тебя тоже есть сокровенное желание? – поинтересовалась Ребекка.

– Есть! – серьёзно, ответил Шахар.

– И ты хочешь, чтобы оно сбылось? – Ребекка присела, заглядывая в его глаза.

– Очень! – решительно ответил ребёнок. Шахар хотел ещё что-то сказать, но передумал, и только робко, боясь отказа, спросил: – Можно я с тобой?

– Конечно можно! – улыбнулась Ребекка, и они вошли в лавку, из которой перешли в жилую часть строения, где царила особая предпраздничная суета. Эта часть лавки теперь целиком принадлежала внукам Давида, от дочери Нехамы, погибшей вместе с мужем Игалем на пожаре. Отгороженный угол, принадлежал старикам Игаля – Захаве и хромому Хаиму. Всё лето угол пустовал, потому что Захава и Хаим предпочитали спать на открытом воздухе, в гамаках, под лёгким навесом, рядом со стеной кузницы. И только с приходом благословенных дождей, Захава перебралась в дом к детям, а Хаим так и остался в закутке под шатром, рядом с тёплой стеной кузницы, у маленького окошка. Через это окошко Хаим смотрел на пламя огня, повелевающего железу изменять свои свойства. Он видел, как металл становился жидким и, как снова застывал, обретя очертания мечей, кинжалов, пик и наконечников для стрел, которых так не хватало в столь трудное и опасное время. Иногда он позволял и внукам заглянуть через окошко внутрь кузницы. После этого, перебивая друг друга, мальчишки с восторгом рассказывали о железных искрах, которые высекали тяжёлые молоты и о жидкой стали, принимающей форму чего угодно.

Иногда Хаим и сам навещал кузницу, где на столешнице, усыпанной мелким песком, тонким прутиком выводил рисунки кузнечной вязи, которые так ценил и использовал в работе Давид. Но это случалось всё реже, и Хаим просто смотрел на огонь.

Сейчас же, хромой Хаим с женой Захавой и другими взрослыми большой и дружной семьи Давида, были заняты приготовлениями к празднику, и дети были предоставлены сами себе. На жилой половине, разгороженной войлочной ширмой, сёстры Ребекки зажгли масляные лампадки, а на каменном подоконнике прорубленного в стене окна, поставили светильник с девятью лампадками – праздничную ханукию. На расчищенном для беспрепятственного вращения волчков полу, они запускали свои волчки, загадав самые важные – девчоночьи желания.

– Теперь мы с Ребеккой! – потребовал Шахар, и сёстры увидели гостей и с радостным смехом кинулись к ним, целуя Ребекку и обнимая младшего брата. Пока девчонки обменивались своими новостями, Шахар поднял с пола волчок. Ему уже четыре года и он знает, какие буквы изображены на четырёх сторонах ханукального волчка.

– Нун, Гимель, Хэй, Шин, – сказал он, и сильно запустил волчок, сопровождая возгласом, раскрывавшим смысл слов, стоящих за этими буквами: – «Нес Гадоль хая Шам!»¹⁷

Маленький Шахар, закрыл глаза, представляя, как придёт Машиах и исполнит его самое заветное желание: вернёт маму с папой из поглотившего их огня. Когда-то мама говорила ему и пятерым братьям и сёстрам, что Машиах щедр на чудеса. Нужно только уметь их дожидаться. Так ведь он уже умеет ждать! А сегодня он сам зажжёт огонь в лампе. Это будет другой огонь, не тот, что убил его родителей. И, хотя, ему будет страшно это сделать, он отважно зажжёт огонь в лампе, и поставит на подоконник, чтобы Машиах не заблудился и не прошёл мимо. Чтобы утром, когда Шахар проснётся, его самое сокровенное желание было исполнено...

Малыш рассмеялся, словно всё уже произошло, и, не дожидаясь пока волчок остановится, выбежал из лавки на улицу, где мужчины закончили сборку, выкованной по случаю праздника ханукии, и дедушка Давид читал молитву на открытие горшочка с освящённым маслом для праздничного огня.

---

¹⁷ Нес Гадоль хая Шам – Чудо Великое Было Там.

Когда в небе появилась первая звезда, далеко на холмах загорелись сигнальные факелы. Давид залил освящённое масло в две лампадки ханукии, и погрузил в них фитили. Дети окружили его, а он прочитал молитву, и поджёг фитиль, что был по центру. Огонь разгорался ровным светом, без копоти. Когда Давид перенёс огонь на крайнюю лампаду, все дружно произнесли: «Чудо великое было в Иерусалиме», возвестив о наступлении первого из восьми праздничных дней Хануки. Дней празднования Победы, одержанной чудесным образом и Божественного присутствия в стане народа своего. И первая лампада открыла счёт этим дням.

В ханукальные дни люди ждали новых чудес для себя и своего народа. И маленький Шахар тоже. Он прижимался к ногам деда, напугано смотрел на огонь, который, несмотря на праздничную обстановку, внушал ему прежний страх, напоминая о пламени пожара, устроенного карателями. Тот огонь убил его маму и папу. Прячась за ногами деда, очень хотевший чуда малыш, просил огонь, вернуть назад его родителей, ведь они ему так были нужны... Ребёнок сложил ладошки у рта, и, обогнув деда, приблизился к лампаде с потрескивающим фитилём, на конце которого поселился огонь. Закрыв глаза, Шахар повторил слова заветного желания: – Чтобы мама и папа вернулись домой!

Слова маленького Шахара обожгли Давида изнутри. Они сдавили грудь и остановили дыхание. Из глаз вырвались слёзы. Он присел перед внуком, взял его на руки и, подняв так, чтобы видеть глаза, шёпотом – только ему одному, сказал:

– Думаю, Всевышний услышал твоё сокровенное желание, Шахар.

В это время пламя оторвалось от фитиля, и огонь в лампаде погас. Возникла пауза, и скорая на суждения Ребекка разочаровано произнесла: «Ну вот. Теперь ничего не сбудется». Маленький Шахар разрыдался. Давид усадил внука на одну руку, а второй снова поджёг фитиль от вспомогательной лампадки, и, обратив лицо в сторону Ребекки, как просьбу произнёс: «Любя, твори добро». Потом он нашептал на ушко Шахару, о том, что воины Света в великой любви своей к Всевышнему, своими собственными руками сотворили великое Чудо.

– А я смогу так? – спросил серьёзно малыш. – Так... чтобы свершилось чудо?

– Конечно, – с улыбкой ответил дедушка. – Ведь ты воин Света.

– Да, – согласился Шахар. – Я воин Света.

– Тогда выслушай всё, что я тебе скажу, как воин. Мне бы очень хотелось сообщить тебе, что твои мама и папа завтра вернутся в наш дом, но...

– Они вернутся, только будут невидимы, да? – с надеждой спросил Шахар. – Как ангелы?

– Как ангелы, – согласно кивнул дедушка, и вздохнул. – Ангелы, которые снова и снова возвращаются на небеса.

– Зачем?

– Потому что там их дом.

– И я их больше никогда не увижу? – грустно спросил мальчишка, размазывая по лицу слёзы.

– Придёт время, и когда-нибудь, тебя тоже призовут Небеса. И тебя там встретят твои мама и папа. А пока время не пришло, они, как ангелы, будут сверху наблюдать за тобой и радоваться, когда тебе весело и печалиться, когда ты грустишь. А если надо защитить тебя – они смогут, они защитят, не сомневайся.

Шахар кивнул:

– Значит, их дом теперь на небе? – спросил он уже без грусти.

– На небе. – Давид поставил на землю внука, посмотрел в черноту неба, и сказал: – Очень скоро в тот дом на небе, вернусь и я.

– И я тоже? – спросил Шахар, и дед согласно кивнул:

– В своё время и час, – улыбнулся он понятливости внука.

– А встречают всех-всех? – спросил Шахар.

– Всех, кого земной путь ведёт на Небеса.

– А кто встречает?

– Родные души. Все мы, когда-нибудь будем встречать своих любимых, чьи искры оторвутся от земного костра и окружающего мрака, чтобы устремиться в Небо, навстречу с нами...

– Я хочу рассказать вам о воинах Света, в память о которых мы зажигаем огонь, – сказал Давид, усаживаясь с внуком на соломенный коврик, рядом с Ханукией. В ногах его уже примостились несколько внуков. Остальные уселись напротив.

– Я расскажу вам о тех, кто в трудные для детей Израиля времена, не дожидаясь чуда от Всевышнего, собственноручно сотворили его.

– Они были, как мы, кузнецами? – серьёзно спросил Шахар, и дед кивнул.

– Да. Они были кузнецами. Оружейниками, куящими волшебное оружие для битвы Света с Тьмой. И прекрасными воинами, которые могли использовать его в сражениях с силами Тьмы. Тучи вражеских полчищ были отбиты ими, и в промежутке между сражениями, воины Света очистили Храм и освятили его огнём храмовой Меноры.

– Это и было их чудо? – спросил Шахар.

– Да, – ответил Давид. – Они поняли это, когда масло, которого должно было хватить лишь на одну ночь, горело и не сгорало на протяжении восьми последующих. Так Всевышний показал, что Он с ними, в стане народа своего, и что это была Его битва. И победа в ней принадлежала Ему.

– Когда это было, дедушка? – спросила Ребекка, присаживаясь рядом с Давидом, усаживая Шахара на колени.

– Почти два века тому назад произошло это Ханукальное Чудо¹⁸, – ответил Давид, – и весть о нём зашифрована в детской игре, волчке, при помощи которого вы сегодня обыгрывали друг друга на сладости. Мудрецы решили, что история о Великом Чуде, сохранится надёжней в детской игре, чем в памяти человека. Горстка детей Света победила миллионное войско и освободила страну от чужаков и язычников. Чудо? Когда они поднялись на Храмовую гору и ценой жизни возобновили на ней службу, зажигая свет Святости, погашенный вероломным Велиалом – тоже было Чудом. Но чудом, иного плана. Это чудо они сотворили сами своими руками. И только тогда, когда в очищенном и обновлённом Храме был зажжён огонь во славу Всевышнего, а масло для меноры, рассчитанное на одну ночь горения, не сгорало восемь ночей, они стали осознавать, что благодаря их усилиям Шехина посетила их стан. И они верили, что Божественное Присутствие больше не покинет Свой народ, и что земля Израиля наконец-то станет свободной, и что, вот теперь, слава А-Шему, будет страной священников и Учителей, как Он и заповедал...

– Почему же это так и не случилось, дедушка? – спросил старший внук. – Почему сегодня мы снова сражаемся с вероломным Велиалом?

– Это произошло потому, что одной победы на поле боя было недостаточно. Язычество нужно было победить в себе самих, чтобы уберечь страну от врага, глубоко засевшего в умах и сердцах иудеев. Ведь к тому времени эллинская культура уже завоевала нас. Легко завоевала, непринуждённо. Язык греков, воспевавший все человеческие пороки, и ставший олицетворением высшей формы язычества, вытеснил иврит и арамейский повсеместно. Сначала он вторгся в быт иудеев, а после проник и в Храм, где священники начали обращаться к собранию на языке страны, чтившей своих грешных богов, далёких от закона А-Шема. И первым язычником среди них почитался человек, занявший земной трон при помощи тёмной силы, не терпящей конкуренции.

---

¹⁸ Ханукальное Чудо, о котором идёт речь, связано с периодом восстания против ига сирийских греков в 166—160 гг. до н. э

Но от сотворения мира, в каждом поколении, появлялись дети Света, которые сражались со сгустившейся тьмой. И во все времена, полем боя Света и Тьмы становится каждый человек. И если ты одержал победу на поле брани, а в себе не истребил зла, то твоя победа равносильна поражению.

Когда-то это понял Иуда по прозвищу Маккавей – Молотобоец. Сегодня это предстоит понять и нам. Мы продолжаем начатую ими битву детей Света и Тьмы. Когда мрак селится в сердцах людей, понуждая отступить от Завета с Всевышним, дети Света обязаны дать бой. Дети Света – духовная армия А-Шема на земле, те, кто рукою Создателя творят нашу общую судьбу, судьбу народа, помнящего о Великом Чуде, Бывшем в Иерусалиме! Чуде, созданном воинами Света в Доме А-Шема!

Давид умолк. В пророческом видении, он видел свой народ вдали от Святой земли. Он видел его подневольное существование среди других народов и то, как евреи, зажигали в своих домах Ханукальный свет, чтобы напомнить себе о чуде победы горстки повстанцев над несметной армией поработителей. А ещё, свет в их окнах, должен был напоминать таким же, как они путникам, брошенным рукой А-Шема из дома в дорогу, что Чудо, возможно сотворить собственными руками, если очень захотеть и приложить все свои усилия.

Свет в окнах иудеев, рассеянных по всему миру, походил на переключку детей Света, которые этим как бы говорили, что не забудут о тех днях, когда А-Шем снова пришёл на помощь своему народу. И светильники, выставленные в эти праздничные дни в окнах их жилищ, были тому подтверждением. Огонь, горевший на протяжении восьми вечеров подряд, позволяли им почувствовать себя не жалкими изгнанниками, заблудившимися во тьме ненависти безбожных народов, а народом А-Шема, Единого невидимого Бога! Народом, сохранившим свет Его мудрости.

Обращаясь к внукам, Давид сказал:

– Светом Чуда, явленного в Иерусалиме, станете рассеивать тьму вы и потомки ваши. И расскажете им о Маккавеях, детях Света...

По дороге к пещере царя Шломо

Проснулась Ребекка от того, что Давид гладил её по голове.

– Вставай, душа моя, – будил он её. – У нас много дел.

– Мы уходим? – спросила Ребекка, потягиваясь. – Куда? Искать пещеру царя Шломо?

– Мы уходим из Кумрана, – решился сказать всю правду Давид, и добавил: – Навсегда.

– Но как же, так? – спохватилась Ребекка, вспомнив о том, что сегодня вечером она собиралась проститься с Йешуа, который покидает Пустошь. А уходить куда-то из Кумрана, в планы Ребекки не входило. Она замотала головой и сказала: – Вечером мне надо быть дома!

Но Давид не стал её слушать.

– Собирайся, – чётко отдал распоряжение он, тоном, не принимающим возражений. – Я сказал, что мы уходим навсегда.

– Навсегда? – переспросила Ребекка.

– Навсегда!

– Но как такое может быть?! – воскликнула она и вспомнила дедушкино пророчество.

Давид держал в руках небольшой свиток пергамента:

– Письмо, доставленное голубем, – сказал он, кивнув туда, где почтальон косил немигающим глазом и клевал семена пшеницы из раскрытого мешка. – Через римлян, присоединившихся к сыновьям Израиля, сообщают, что не только князю, но и всем кумранитам грозит серьёзная опасность. Принято решение, что мы обязаны оставить страну.

Ребекка молчала. Она была растеряна.

– Есть время попрощаться со всеми? – на всякий случай спросила она, но дед покачал головой и отошёл к загону для скота.

– Помогите! – позвал он внучку, и они вместе одолели запор ворот, выпуская баранов и коз.

– Кто такие, эти присоединившиеся? Можно ли им доверять? Почему они нас предупреждают об опасности? – спрашивала Ребекка, ловко уваливая от потока животных, вырвавшихся из тесноты загона на свободу.

– Сын Авраама, Ицхак, взял в жёны Ривку, и когда она понесла в чреве, то пошла к пророку, чьими устами говорил А-Шем, и сказал Он: «Два народа в утробе твоей, и две нации из утробы твоей разойдутся. И нация от нации будет укрепляться, и старший будет служить младшему». Так на свет появились братья-близнецы Эсав и Йаков. Эсав был старшим. Он оказался неисправимым лжецом, которому праведный образ жизни Йакова был и скучным и чуждым. Всё своё детство он лишь делал вид, что придерживается учения Авраама, а мечтал о другом для себя пути. И пришло время, и Эсав стал прародителем римлян¹⁹, а Йаков стал прародителем иудейского народа.

– Значит, верить присоединившимся нельзя.

– Почему?

– Сам же сказал, что Эсав был неисправимым лжецом.

– Знаешь, душа моя, Йаков очень любил Эсава, свято веря, что раскаявшись, брат сможет свои дурные качества превратить в добрую силу. Люди, которые нам помогают, знают эту правду и кое-что понимают в братской любви, – говоря это, дед опоясался талесом, надел на себя кожаный нагрудник, пристегнул к нему пояс с кинжалом и мечом, набросил сверху белый плащ, а поверх надел халат из верблюжьей шерсти. После этого он стал походить на бедуина, местного пастуха, который не опасен, если его не трогать.

---

¹⁹ Первенец Эсава Элифаз поселился на Апенинском п-острове. Римляне не только признавали это родство, но многие гордились им. Поэтому среди римлян были всегда присоединившиеся к сыновьям Израиля.

– Но как может брат убивать брата? – спросила Ребекка, наматывая на голову кусок материи, пряча под ней копну волос.

– Это не братья истребляют друг друга, это свет пробивается через сгустившуюся тьму. – Дед сильно подул в хитрую беззвучную свирель, на сигнал которой примчался Зэев. Он счастливо повиливал хвостом, как бы говоря всем своим видом, что немедленно готов исполнить любую команду.

Трижды прошептала еле слышимая свирель, и пёс кинулся за баранами, направляя их в сторону Перекрёстка Судьбы.

*****

Давид усадил Ребекку в седло и подал ей поводья. Потом взобрался в седло сам, и направил ослов за стадом. Сытые, мускулистые животные послушно ступали по каменистой дороге, а дед спешил вложить в голову внучки непомерную ношу знаний, словно предчувствуя что-то недоброе...

– Мы те, кто хранит Знание, и истинную историю земли Израиля. Она завещана нам А-Шемом для служения в любви и гармонии с миром. Но когда гармония нарушается, находится кто-то, кто изгоняет нас с этой благословенной земли. Страшно сказать, но свет А-Шема, поселившийся в Храме, выстроенном царём Шломо, сохранился в чистоте всего лишь тридцать три года, пока царь Египта Шешонк не разграбил Храм. Но это было время, о котором мы не вправе забывать. Именно тогда Иерусалим стали называть Городом мира, а иудеев – народом мудрецов и законников. И просили народы, пророков и священников, чтобы обучали те их детей мудрости и наукам. И становился Храм местом просвещения народов, куда устремлялись не только евреи, но и те, кто верил во множество божеств, почитая бога иудеев, как одного из них. И те, кто ни в кого не верил, но кого притягивала сила и чистота, тоже устремлялись к Храму. Так многие обретали знание и веру в Единого бога, проходили гиюр²⁰, и оставались на многие годы при Храме, обучаясь наукам и тайнам общения со Всевышним.

*****

– Дедушка, а почему А-Шем так испытывает нас? – спросила Ребекка.

– Каждому поколению А-Шем дал своё испытание, – ответил старый Давид.

– Но эта война с Велиалом? Она длится уже много лет, неужели этому не будет конца? Что говорят об этом наши провидцы?

– Наши пророки утверждают, что закончится это в Конце времён, когда восстанут сыны Израиля против жребия сынов Тьмы, бесчестящих Завет, и дети Света выступят против войска Велиала, и всех, кто будет тогда с ними.

И поднимутся отовсюду сыны Света. И вернуться в Святую землю – из Пустыни народов в Пустыню Иерусалимскую. И чтобы защитить границы Израиля, сыны Леви, Иуды и Вениамина уйдут в пустыню, чтобы сразиться там с несметными полчищами киттиев.

И тогда повернёт царь киттиев против Египта, но не справится, и в великой ярости обратит свой гнев на Север. И сразится с царями Севера, которые вооружали их врагов.

Наши пророки говорят, что это самое время, которое и станет спасением для народа Божьего, ибо наступит конец власти Велиала. И вечная гибель придёт всему его жребию.

«Будет смятение великое среди сынов Йафета²¹, и падет Ашшур²², и никто не поможет ему, и исчезнет власть киттиев, дабы низверглось без остатка нечестие и не уцелели сыны

---

²⁰ Проходили гиюр – посвящение в иудеи

²¹ Йафет – прародитель белой расы, европейцев.

Тьмы», – эти слова мы переписывали со свитков наших пророков, хороня их до Конца времён...

– И что, до Конца времён, так ничего и не удастся изменить? – ужаснулась Ребекка. Давид печально улыбнулся и сказал:

– Во все времена были те, кто освещали самые тёмные места земли и человеческого сознания. Это труд Святых, который ни на день невозможно прекратить, чтобы не ввергнуть землю в хаос тьмы велиалова безумия. Свет А-Шема, исходящий от таких людей – непрерывен, и вечен. И будет он вплоть до великой той войны. И сила детей Света никогда не ослабнет, и будут они светить всё более, пока не выйдут все сроки Тьмы. И в тот срок Божий, осветит высота Его величия все уголки мира для благословения, славы и радости, и долгоденствия всех сынов Света. И объединит Бог Израиля их повсеместно, на великое побоище, ибо будет грозным тот день стеснения Его народа пред Ним. И в тот грозный день Воздаяния, падут киттии, ибо день тот назначен А-Шемом от века для войны, в которой Он уничтожит всех без исключения сынов Тьмы. Пророк говорит, что, не смотря на то, что для великого побоища сойдутся мужи земли, чтобы вместе сражаться, ради могущества Божия, в грозный день стеснения Израиля, будет великий шум и трубный клич Божественных Ангелов, ибо главная битва произойдёт над головами мужей, сошедшимися со жребием Тьмы. В тот день, Божественный сонм сразится с падшими ангелами, и станет он для народа Израиля днём, искуплённым Богом. Таких дней не бывало от приближения его до самого свершения. День всеобщего и вечного искупления народа в битве с киттиями».

– А как можно сохранить непрерывность Света Всевышнего?

– По-разному, – ответил Давид. – Кто-то трудится пахарем, давая пищу детям, старикам и мудрецам, кто-то стережёт их покой от воров и грабителей, а кто-то хранит непрерывную связь с А-Шемом и Небесным воинством, кто-то Светом мудрости освещает самые тёмные места земли и человеческого сознания. А все вместе – мы делаем работу, которую невозможно прекратить ни на день, ни на миг, ибо Свет А-Шема – непрерывен.

– Дедушка, – спросила Ребекка, – а у тебя теперь какая работа будет?

– Моя главная забота – это ты, – ответил, улыбаясь, Давид и добавил:

– Учить тебя премудростям Устной Торы – часть моей работы. Я очень верю, что ты донесёшь их смысл до своих детей, а те объяснят их своим детям, и эта нить не прервётся никогда. И это тоже часть моей работы, как и то, что мы сделаем всё, чтобы сохранить Знание для детей Света будущего. Ведь если их предупредить о многих неверных шагах, быть может, встанут они на путь истины, и тогда Конец времён не будет так пугать человечество своей неотвратимостью.

– А кто-то пытался предупредить от неверных шагов наших братьев?

– Конечно! И не раз. Но нечестивый Эсав узнав о пророчестве, говорившем, что старший брат будет служить младшему, сделал смыслом своей жизни, чтобы притеснить, подмять младшего брата-близнеца и заставить служить себе. По разные стороны Света и Истины, встали не только братья, но и те народы, которые они породили.

---

²² Ашшур, или Ассур, город в Ассирии – современный Ирак.

Исчезнувший ковчег и Египетский храм

– Дедушка, мы говорили о царе Шломо. Что должно было случиться, чтобы мудрый правитель так изменился?

– Наши Мудрецы считают, что всё это случилось из-за Ковчега.

– Из-за Ковчега Завета? Исчезнувшей реликвии народа?

– Ковчег Завета был Главной реликвией. Это был не просто ларь, сооружённый из акации. Согласно наставлениям А-Шема, он имел два с половиной локтя в длину, полтора в ширину и высоту. Внутри и снаружи обит чистым золотом. По верхнему его краю шёл золотой венец, на котором крепилась золотая крышка. Золотые херувимы, с обращенными друг к другу лицами, прикрывали ларец простёртыми вверх крыльями. И лица их светились, когда народ шёл по пути Закона, или старчески тускнели, когда Закон был погран. Над ними, в облаке Славы, являлся А-Шем, и поверх ларца, как раз между двумя херувимами, говорил с Моше.

Когда Моше произносил: «Вернись, Господь, к десяткам тысяч тысяч Израилевых», – это означало очередную остановку.

Левиты опускали Ковчег, и вокруг него возводили золотые стены Скинии Собрания. Затем, они перебрасывали через них несколько пологов. Каждый полог натягивался при помощи верёвок и вбитых в землю кольев. Когда шатёр был готов, Ковчег Завета занял специальный шкаф – Арон а-Кодеш, находящийся в западной части Мишкана, в помещении, которое было отделено завесой и носило название Святая Святых. Входить в него разрешалось только первосвященнику, и только раз в году – в Йом Кипур.

Второе помещение имело название Кодеш – Святилище. Здесь устанавливали золотой стол для двенадцати хлебов, золотую менору на семь масляных лампад, и золотой жертвенник для воскурения благовоний и душистых трав.

Сам же, Двор Мишкана, или Скинии Собрания, был огорожен сеткой, растянутой на высоких столбах. У восточной стороны находился вход, рядом с которым располагался главный жертвенник. На его стены священники выплёскивали кровь принесённых в жертву животных, а левиты сжигали их туши на жертвенном костре. Чтобы содержать место в чистоте и святости, нужна была вода. Много воды. Поэтому, сразу за жертвенником устанавливали большой медный чан, который заполняли ежедневно до краёв.

Стоянки были продолжительными, чтобы народ мог без суеты и с усердием изучать Тору. Но когда Моше получал повеление А-Шема уйти со стоянки, он провозглашал: «Восстань, Господь, и рассеются враги Твои, и побегут ненавистники Твои от лика Твоего», – и тогда левиты легко разбирали шатёр. Стоило только извлечь колья, и полог провисал. А стены разбирались очень быстро, делясь на отдельные доски, покрытые золотом. В разобранном виде всё укладывалось на несколько повозок, запряжённых быками. Ну, а сам Ковчег Завета, открывал процессию. Его первым несли левиты на плечах, а затем лишь они несли столы предложений, большой и малый жертвенники. И весь народ покорно следовал за ними.

Во времена могущества детей Йакова, многие народы, испытали на себе гнев Ковчега, когда он превращался в грозное оружие. Поднимаясь в небо, он одним своим видом наводил ужас на врагов. Одни гибли от того, что видели его, иные – от того, что слышали. Звуки, которые издавал Ковчег, воздействовали не только на людей. Они легко разрушали стены крепостей в шесть шагов толщиной и лишали разума противников... Вылетающие из Ковчега молнии, нещадно убивали и поражали скот.

Пока в Ковчеге пребывала Шехина – никто не осмеливался нападать на нас, ибо знали: А-Шем защищает Свой народ, пока тот занят пробуждением в себе Света.

– Но что же случилось со Шломо?! – спросила нетерпеливая Ребекка, с широко раскрытыми глазами.

*****

– Случилось так, что Шломо стал одним из немногих, кто пробудил в себе Свет А-Шема, но из-за многочисленных жён-идолопоклонниц свернул с пути святости, породив в стране беззаконие.

– Как такое могло произойти?

– Дело в том, что приближенные к Ковчегу священники и левиты, стали открывать в себе поразительные способности. Они стали приписывать эти свойства себе, и в греховной гордыне всё реже призывали А-Шема. Теряя первоначальную чистоту, они уподобились язычникам, обратив свой взор в сторону волшебства и чародейства, посвятив ему силу, взятую у А-Шема. И тогда Господь оставил народ свой, лишив защиты, а Ковчег Завета превратился в обычный ларец. Божественное Присутствие оставило его, и А-Шем в облаке больше не появлялся над крыльями Херувимов, не общался с первосвященниками и царями. Храм утратил свою святость и смысл. Без присутствия Шехины, он стал превращаться в собрание язычников. И чтобы этого не произошло окончательно, предмет поклонения было решено спрятать. Из Иерусалимского Храма он незаметно исчез, и объявился в храме, построенном праведником Хонио и его сыновьями в Египте. Это была точная копия Иерусалимского Храма, и Ковчег Завета находился в его Святая Святых.

– Странно знать, что Иерусалимский Храм построили в Египте.

– Наши пророки знали, что в будущем, Храм ожидает разрушение, и поэтому пошли на такие меры. В земле рабства они построили точную копию Иерусалимского Храма, где молились за возвращение А-Шема на Святую землю. Все дальнейшие события показали их правоту. Храм в Иерусалиме был восстановлен.

– Как это?

– Это долгая история...

Возвращение из рабства и новый храм

Через пять лет после смерти царя Шломо, пережившая множество потрясений страна, пришла в невероятный упадок. Больше двух столетий, она подвергалась грабежу, пока не вторгся царь Вавилона, который увёл народ в рабство, а Храм разграбил, а что не смог забрать с собой, то уничтожил огнём.

– И вот, священникам из Храма в Египте удалось вымолить прощение народу Авраама, Ицхака и Йакова. Через 70 лет рабства, А-Шем решает, что довольно, и возвращает свой народ на дарованную Им землю. А чтобы те смогли восстановить Храм, А-Шем устраивает войну между двумя царями величайших империй.

Для этого Он направляет к царю Персии, Киру Великому, ангела, и тот во сне сообщает, что правитель Вавилона, Навуходоносор, вынашивает планы напасть на него.

– Почему бы тебе не опередить его? – спросил ангел. – Нападёшь первым – победишь. А победа в этой войне означает единоличное господство во всём мире.

Кир внезапно напал на своего давнишнего соперника Навуходоносора, и разбил его. А во сне к победителю снова явился ангел и подробно объяснил, Кто, таким образом, всё устроил, и Кому Кир Великий обязан своим величием.

– Завоевав Вавилон, ты присоединил к себе все царства земли, – сказал ангел. – Теперь ты покорил весь мир!

На следующий день, в ознаменование победы, царь Кир Великий издал декрет. Этот удивительный документ был записан на двух языках – иврите и арамейском.

В декрете на иврите написано: «Так говорит Кир, царь персидский: все царства земли дал мне Господь, Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего Его народа, пусть он идёт в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа, Бога Израиля, того Бога, который в Иерусалиме».

В декрете на арамейском языке, в дополнение к сказанному на иврите, содержалось ещё два распоряжения. Одно из них касалось оплаты расходов на строительство Храма, второе – о возвращении Храму священной утвари, захваченной Навуходоносором. В подробном перечне награбленного в Храме, составленном самим Навуходоносором, Ковчег Завета указан не был.

Обложив податью провинции, что оставались к западу от Евфрата, Кир Великий целиком взял на себя все расходы по постройке Храма. К тому же, он приказал финикийцам доставить на плотках из Тира и Сидона в порт Яффо необходимое количество кедрового дерева.

– И вот, в седьмом месяце Тишрей, иудеи вновь водворились в своих родовых уделах. Немедленно, со всех концов страны в Иерусалим стали стекаться потоки людей, которые вели к Храму лучших своих животных, чтобы принести А-Шему жертву. Но жертвенник всесожжения, равно как и весь Храм, был уничтожен огнём.

На стихийном собрании народ решил не дожидаться начала строительства Храма, и люди приступили к очистке места. Из пепла и обломков возник новый жертвенник, и жертвоприношения А-Шему были возобновлены.

А на второй год после возвращения из Вавилонского плена, в 24-й день месяца кислев, под звуки шофаров и цимбал, началась торжественная закладка фундамента под Храм. Руководил всеми работами Зерубавель – потомок царя Давида и первосвященника Иехошуа. Смотрителями над рабочими были назначены левиты. Начало строительства сопровождалось неудержимым плачем тех, кто ещё помнили великолепие Первого Храма, построенного царём Шломо. И теперь среди развалин, хор священников заглушал их рыдания хвалебными псалмами. А народ ликовал, празднуя исполнение пророчества Иеремии, и не отделял хор радости от плача печали.

Нужно ли говорить, что почти немедленно возникли осложнения. Самаритяне стали препятствовали работам, убивая строителей и руша отстроенное. Только через пятнадцать лет после закладки фундамента, на втором году царствования Дария²³, под влиянием речей пророков Хаггая и Захарии, иудеи превозмогли противостояние самаритян, и строительство Храма возобновилось.

Сам Дарий не только подтвердил декрет Кира, но и дал своё личное согласие покрывать из царской казны все расходы, связанные со строительством и регулярными жертвоприношениями. Правитель Дарий даже издал указ, где повелел всех препятствующих восстановлению Храма, карать смертью.

При такой поддержке, в канун Песаха, в третий день месяца адар, в шестой год правления Дария, все работы в Храме были завершены. Немедленно состоялось его освящение. Для этого в жертву А-Шему были принесены сто быков, шестьсот баранов, и в качестве очистительной жертвы, двенадцать козлов, по числу колен Израиля.

Праздник выхода из рабства, народ встречал в отстроенном заново Храме. Возможно, новый Храм уступал прежнему, и в украшениях, и в роскошном убранстве. Но, без всякого сомнения, он стал лучшим творением народа, вышедшего из плена Вавилона, и вложившего в него всю свою благодарность, любовь и преданность А-Шему. Несмотря на то, что в Святая Святых уже не было Ковчега Завета, А-Шем принял храм Зерубавеля. Об этом говорят сроки его существования. Он простоял пять столетий, пока не пришёл в такую негодность, что едва не разрушился. И тогда, ровно за двадцать лет до твоего рождения, царь Ирод, уже снискавший славу великого строителя, приложил все свои старания, чтобы вернуть Храму его первоначальный образ, полный роскоши и величия. Но за его спиной уже разрослась чёрная тень Велиала, слышалось хлопанье крыльев римского орла, и железный грохот легионеров, заполнивших Иерусалим.

---

²³ на втором году царствования Дария – 520 год до н. э.

Тайны кумранитов

– Кумраниты всегда владели особым Знанием, и хранили много тайн, – сказал Давид и достал тыквенную флягу.

– А что это за тайны?

– Одна из них, стала сейчас тебе известна, – ответил Давид, протягивая флягу с водой Ребекке. Она произнесла благословение и сделала три глотка, возвращая флягу.

– А что это за особое Знание кумранитов, дедушка?

– Одно из них касается будущего, того самого Конца Времён, которое так подробно раскрывается нашим пророкам. Они все настаивают на том, что в Конце Времён, у поколения Потопа станут рождаться на свет дети с душами поколения Торы.

– Воины Света! – радовалась Ребекка словам пророков. – Значит, так и будет!

– Так предопределено... – говорил Давид, ссутулившийся на осле, и, казалось, он готов был поведать внучке обо всех горестях и страданиях иудейского народа от Авраама, Ицхака и Йакова до Конца Времён...

*****

Дорога сделала Ребекку молчаливой, а Давида, наоборот разговорчивым. Ребекка помнила, как дед учил её, говоря, что для того, чтобы путешествие прошло легко, нужно говорить о том, что волнует обоих собеседников. И её глубоко волновали рассказы дедушки, о чём бы он ни говорил: об Устной Торе, пророках или Конце Времён. Но это волнение мало походило на то, которое возникало у неё при мысли о Йешуа. На фоне рассказов деда, она видела его образ и вплетала в свои мысли, думая о том, что хорошо бы свидеться с ним ещё. И пусть это будет не так, как в Зале писцов, откуда она бежала, готовая стореть со стыда от своего разоблачения, а как-то иначе, по-другому. Например, он спасёт ей жизнь... Или, лучше – она спасёт его... Нет, они непременно должны свидеться, иначе князь может не узнать её в Конце Времён...

– Не нападали на страну полчища чужеземцев, не опустошали поля, и не разрушали селений, уводя жителей в рабство, когда случилась другая беда. Обратили мечи братья на братьев, ибо стали судить их по поступкам. И пролилась кровь, и было много боли и страданий. И Мудрецы с плачем о народе своём обратили молитвы к Всевышнему о заступнике, предводителе, мессии, о чудесном младенце, о котором бы все знали, как о том, кто в свой час вразумит народы и примирит непримиримое. – Ребекка вдруг поняла, что Давид сам вышел на разговор, которого она так ждала. Её сердечко сжалось: вот оно! Вот тот поворот в мыслях деда, когда он сам вышел на разговор о Йешуа. Ребекка утёрла мокрый лоб, и внимательно взглянула на Давида. А тот, расхохотался и выкрикнул:

– И, Слава А-Шему! Вымолили! – Давид сиял и, глядя на него, Ребекка верила, что он был в том миньяне, что вымолил заступника и предводителя... По его щекам катились слёзы счастья и умиления, теряясь в седой бороде. Давид пропустил бороду между пальцами, и её конец поднёс к растянутым в улыбке губам. Теперь, когда дедушка заговорил о Йешуа, Ребекку охватило волнение.

– Мы, тайно обучали князя наукам, пока он нуждался в них, – говорил Давид. – Теперь же, – он сделал паузу и оглянулся на внучку. – Теперь его отправляют в Индию.

– Я знаю, – тихо сказала Ребекка и Давид услышал её. Он только кивнул, продолжив:

– Каратели уже на подходе к Кумрану. Положение крайне серьёзное, поэтому ночи ждать не стали. Слава А-Шему, караван уже в пути.

– Как?! – Воскликнула Ребекка. В этот миг она поняла, что потеряла князя навсегда. Но перед нею снова вспыхнули и затмили всё глаза Йешуа. Юноша показался ей так зримо и отчётливо, что она не сомневалась в его реальности, и подалась вперёд, протягивая ему руку. Но он исчез. Из глаз Ребекки брызнули слёзы отчаянья, но она быстро утёрла их, вслушиваясь в слова Давида, который вдруг понял причины смены настроения у Ребекки, но не стал ей подыгрывать, а потому, начал издали. Он рассказывал о разработанном плане, в реализации которого, они теперь участвовали.

– С помощью А-Шема, мы перегоним стадо к Перекрёстку Судьбы, где нас будут встречать.

– Кто нас встретит, дедушка?

– Кто-то из передового отряда.

– А что будет, когда мы передадим стадо?

– На ближайшей стоянке отряд воссоединится с караваном, – говорил Давид. – В пути к нему будут присоединяться другие люди, – как-то не очень твёрдо произнёс он, и Ребекка напряглась. Она знала эту манеру деда, когда, прежде чем сказать что-то главное, начать несколько комкать слова, точно ища правильную формулировку.

– Кто такие? – помогла деду внучка.

– Погонщики, – ответил он, отводя глаза. – Погонщики со своими верблюдами.

Ребекка сникла. Чуда ждать не приходилось. Она почти не слышала деда, который всё ещё что-то говорил:

– А там – другая стоянка, и так до самой Индии.

– А что это за дорога такая? И почему Индия? – утирая слезы, спросила девушка.

– О! Это Старая дорога Аронидов, которая берёт своё начало на Перекрёстке Судьбы и сливается с Великим Шёлковым путём. Этот путь был проложен ещё в те древние времена, когда небольшой отряд сынов колена Леви, вызвался сопроводить Моше, не вошедшего в пределы земли обетованной.

*****

Как бы то ни было, дед снова увёл внучку от разговора о Йешуа, увлекательной историей, раскрывающей несколько иной, тайный сценарий, согласно которому Моше Ребейну, известный как Моисей, вместе с отрядом левитов благополучно достиг Индии, где обнаружилось утерянное колено иудеев. Согласно кашмирской легенде, дошедшее до Индии племя, уверовало, что достигло Земли Обетованной. И Моисей отыскал их, и остался с ними, и многому учил их, и многому учился сам. С тех пор связи Аронидов на земле Израиля с брахманами Кашмира в Индии, не терялись.

– И к чему ты мне всё это рассказал? – Ребекка ждала честного ответа, и она получила его. Дед взглянул на внучку по-особому, и сказал:

– Наверное, для того, чтобы ты вспомнила, что мы – левиты. Мы не просто братство ессеев, мы – родня.

– Я помню это, дедушка, – приосанилась внучка. – И никогда этого не забываю.

– Так вот. – Давид поравнялся с внучкой и внимательно посмотрел в её глаза. Его пальцы теребили концы бороды, а он не отрывал от неё взгляда, словно просматривал весь её дальнейший непростой путь. Ребекке стало не по себе. Она почувствовала, как «мурашки» пробежали по её телу, и она постаралась их унять, обняв себя за плечи. Давид воспринял, что Ребекка замёрзла в пути, полез за плащом, и когда он, наконец-то, укрыл её, дрожащую от озноба, то сказал главное:

– Так вот, – повторил он многозначительно. – Нашу семью включили в состав небольшого отряда, который будет сопровождать юного князя.

– А я, дедушка?! – вскрикнула от неожиданности Ребекка.

– И ты, душа моя, отправляешься с нами, – закончил дед под визг счастливой Ребекки, едва не свалившейся с осла. – И немедленно.

– Немедленно – это как?

– Немедленно, это значит, что мы уже в пути. В город не возвращаемся. Мы должны догнать князя до первой стоянки, у Перекрёстка Судьбы, а сделать это будет непросто.

– Почему, дедушка? – не веря своему счастью, спросила Ребекка. – На ослах мы, с помощью А-Шема, скоро доберемся до Перекрёстка, верно?

– Это так, но только идём не только мы с тобой, но и стадо баранов, коз, ослов, – Вся эта живность, что разбрелась под наши разговоры, – дед развёл руками, и послал Зеева собрать стадо.

– А бабушка? – спросила Ребекка. – Она тоже присоединится к нам?

Давид не ответил на её вопрос. Наверное, потому что и сам не был ни в чём уверен. Для порядка, он строго поглядел на внучку и сказал:

– Душа моя, мы не на прогулку отправляемся. В Кумран выслана не просто горстка карателей. К городу приближаются войска легиона из Иерусалима. И надо торопиться, пока кумраниты будут сдерживать их силы. И быть очень осторожными.

– Мы беглецы? – задала вопрос Ребекка, а Давид бережно извлёк из корзинки сети со своими сокровищами – тремя сизыми голубями – поцеловал каждого и сказал:

– Мы – разведчики.

– Как интересно! – по-детски захлопала в ладоши Ребекка.

– Интересно. И очень опасно. Ты готова к этому испытанию?

– Я благодарна А-Шему, за счастье быть испытуемой! – со слезами счастья произнесла Ребекка, а Давид, улыбаясь в бороду, сказал:

– Хвала А-Шему, когда среди всеобщей скорби и печали, есть место для любви и радости.

По следам легенды

Полуденной порой, в нещадный солнцепёк, собрался на небольшой кумранской площади караван. Пять верблюдов с притороченной поклажей: мешками с солью и финиками, были готовы выступить в путь. Два погонщика заливали в кожаные мешки воду, а смуглый парнишка, тринадцати лет от роду, читал молитву, творя поклоны и кланяясь в сторону Иерусалима:

Шма, Израэль!
Адонай Элогейну,
Адонай Эхад!

Поклоны его были усердны и горьки. В день, когда он был посвящён, каратели подступили к стенам Кумрана. По этой причине учителя отправляют его подальше от опасности. В саму Индию. В Кашмир. В землю, где по преданию ессеев закончил свой земной путь Моше Ребейну, запечатлев на мраморе, ставшем его могильной плитой, след своей царственной стопы. Так говорит легенда.

А у стены грубой кладки кумранского гарнизона, напротив базарной площади, стоит стройная женщина. Она прислушивается к родному голосу. В её руках небольшая корзинка с едой. В ногах, два связанных между собой узелка с одеждой. Здесь же и пара простой обуви из ослиной кожи и длинными ремешками.

Юноша закончил молитву, и оглянулся на мать. А та, сквозь слёзы, заулыбалась, и помахала ему. Он снял с головы кожаную корону головного тфилина, размотал, перетянувший смуглую руку чёрный, блестящий ремень, и стал растирать оставшиеся после него следы. Уж больно они были темны, как-то сегодня по-особому кровавы. Тфилин и личный свиток Торы он обернул в саван, сложил в мешок и плотно завязал. Сделав три шага назад не оборачиваясь, он с поклоном повернулся спиной к Иерусалиму и бегом кинулся к молодой женщине.

– Мама! Я простился с Иерусалимом, – сказал он, и обнял мать. – Мне страшно, мама.

– С кем Бог в том нет страха, – улыбнулась женщина, и поцеловала его в лоб. – Ты родился со знанием своего пути, так отправляйся же поскорее туда, откуда он начнётся. Это твоя судьба. – Мать обняла сына и поцеловала его в макушку, а он прижался к ней и долго не отпускал от себя.

– Я поклялся вернуться, мама.

– Кто усерден к Богу и предназначение знает своё, других благословений и не просит, – прощалась с сыном женщина, и прикрывала заплаканное лицо платком.

*****

Когда у коновязи, верхом на осле появился Нафтали, он увидел, как Йешуа прощался с матерью. Женщина стояла рядом с верблюдом, в ожидании проводника и неслышно плакала, а сын стоял поодаль и читал дорожную молитву, прижимая к груди материнский подарок – драгоценную виссоновую рубаху.

Нафтали слез с мула и крепко привязал его. Нужно было торопиться. Римляне приближались быстро.

При виде Нафтали, женщина вздрогнула, засуетилась, а он показал жестами, чтобы особо не торопились, и даже повернулся спиной. Сгружая поклажу с мула, он чувствовал, как с Моря соли дул сухой ветер хамсин, и сквозь его завывание слышались обрывки фраз.

– ...на могиле Моше, – слышал Нафтали звонкий голос Йешуа, обращённый к матери, – поклониться следу...

– Ууууу, – гудел ветер.

– ... великая сущность, – донесся обрывок фразы. – Учитель...

Хамсин выл, швыряя в лица горсти песка. И снова Нафтали услышал:

– ... мой путь... восхождение... – и новый порыв ветра отнёс обрывок фразы в сторону.

Но того, что Нафтали услышал, было довольно, чтобы понять смысл разговора. Он почувствовал, как холодный ручеек пробежал у него между лопатками и тут же испарился на полуденной жаре. Нафтали неожиданно начал осознавать, что именно предстояло им пройти. Только сейчас он понял, какой путь избрал для своего возмужания Йешуа и какую роль отвёл ему. И гордость переполнила Нафтали, ведь теперь он больше не чувствовал себя беглецом, прячущимся от мести центуриона. Он видел себя левитом, вызвавшимся сопровождать потомка Моше, к следу стопы великого предка, от могилы которого и начнёт своё восхождение юный князь. А вместе с ним и они, все те, кому посчастливилось отправиться в столь нелёгкий, но освященный Моисеем путь.

Нафтали споткнулся о чужие мешки и огляделся. Плохое предзнаменование. У коновязи, чей-то поджарый осёл жевал сено, прямо с повозки. К мешкам, брошенным без присмотра, уже спешил мужчина в верблюжьем халате.

– Да это же Йонатан! – Воскликнул обрадованный Нафтали.

– Что ты здесь делаешь, мой брат? – удивлённо спросил он, обнимая Йонатана. – Ты с нами?

– Не совсем. Но я буду всегда рядом с вами. И чуть в стороне, – туманно ответил тот.

– Ты говоришь мудрёно, брат.

– Я отвечаю за безопасность князя и соблюдение тайны этой весьма секретной миссии.

– Мы оба отвечаем за его жизнь! – Сказал Нафтали, щурясь на солнце.

– Конечно! – улыбнулся Йонатан. – Но разница в том, что тебя в провожатые выбрал князь, а меня назначил Совет Мудрецов.

– Кстати, – сказал Йонатан, – я отвечаю не только за жизнь князя, но и за твою тоже. – Он хлопнул Нафтали по плечу, и тот почувствовал тяжёлую руку воина.

– И ещё... Тебе привет от Моше.

– Как он?

– Моше, со всеми нашими наставниками по дороге в Масаду. Их охраняет гарнизон.

– А кто же встретит велиалово отродье? – недоумевал Нафтали.

– Миньян добровольцев задержит их.

– Они погибнут?

– Они остаются, чтобы дать возможность уйти нам и школе, – кратко ответил Йонатан.

– Наверное, есть ещё причины для того, чтобы ты обнаружил себя раньше времени, – спросил Нафтали, и Йонатан согласно, кивнул:

– Ты прав, – сказал он. – Хочу лично усилить караван. Провидец Нахшон, сообщил о пришельцах, которые пытаются вмешаться в ход событий. Этого нельзя будет допустить.

– Пришельцы? Кто такие?

– По всему – шпионы из будущего.

– Ты шутишь?

– Какие могут быть шутки, когда наши маги предупреждают?

Оказывается, Нафтали не знал ни самого Йонатана, ни его качеств. Они виделись мало, во время общей трапезы и на собраниях в Доме молитв. Он дружил с братом Иудой, который был предводителем миньяна сикариев у зелотов. Теперь им предстоял полный опасностей совместный переход, через враждебные народы, и в этом походе навыки Йонатана могли стать бесценными. Ведь не случайно, Совет Мудрецов возложил на него безопасность миссии.

Йонатан кивнул, и произнёс:

– Пора.

– Не торопи, – попросил Нафтали. – Он прощается с мамой.

– Простились уже, – сказал Йонатан, легко перекинул через плечо нагретые на солнце мешки, о которые споткнулся Нафтали, и направился к верблюду, где его встретили два проводника-бедуина. Отец и сын. Они были худы и длинны, как два хлыста. Проводники быстро приторочили к седлу поклажу, сумки с оружием и водой, скатали ковры, и высыпали в глубокую тележку всю неудачную выпечку, за три дня собранную пекарем для скотины. Верблюды наслаждались хрустом сухарей, а Йонатан начал суетиться.

– Не забыли напоить верблюдов? – спросил он у проводников.

– Не забыли, – заверил молодой бедуин.

Как благословение на дорогу, Йонатан произнёс: «Сокрыл незримый Закон в груди своей и сохранил его, как знамение детям Света, – оглянулся он на спутников.

Йешуа подхватил: «И разбитые скрижали Закона Незримого оставались сокрытыми в груди Моше, пока не настало время Детям Света явиться в пустыне и ангелам пойти по земле». – Йешуа улыбкой встретил взгляд Нафтали, которого вдруг осенило!

– Услышал! – прокричал тот сквозь хамсин. – Теперь только и услышал! – перекрикивал ветер, возбуждённый Нафтали, обращаясь к Йешуа и Йонатану, удивлённо разводя руками. – И свитки ведь переписывать приходилось, а вот только сейчас... услышал! Это ведь из «Книги Моисеевой: Десять Заповедей»...

– И что же ты услышал? – спросил юный князь...

– Кое-что другое...

– Какое, другое? – подначивал Йешуа.

– Ну, про детей Света, явившихся в пустыне...

– И про ангелов, что пойдут по земле? – Засмеялся Йешуа, – ты об этом?

– Ну да, – протянул сконфужено Нафтали, ища поддержки у Йонатана. – Это ведь про нас сказано.

– Точно. Про ессеев, – согласно кивнул Йонатан.

– Сказано про тех, кто вершит Закон! – рассмеялся Йешуа. – А мы с вами пока только в начале пути. И уже бежим от закона и беззакония.

Нафтали рассмеялся. Всё ещё улыбаясь, он помог своему острому на язык подопечному взобраться на склонившегося перед ним верблюда. Когда юноша уселся в седло, животное очень осторожно и вместе с тем царственно грациозно, подняло юношу на высоту хребта.

– Ух! – восторженно произнёс Йешуа. – Как высоко!

– Тебе удобно, князь?

– Да! Замечательно! – резвился юноша.

– Справа – кожаный мешок с водой, – уточнял Нафтали. – Слева – с золотом. Вещи на другом верблюде. За спиной, в чехле – меч. – Йешуа оглянулся и, вцепившись одной рукой в поводья, другой аккуратно вынул из кожаных ножен короткий, в полтора локтя меч. Сталь блеснула чистым солнечным светом.

– Наша, дамаская сталь, – любовно произнёс Нафтали.

– Мастер Давид сработал? – Йешуа, любовался мечом.

– Этот меч детей Света я лично выковал для тебя, – произнёс смущённо Нафтали, и краска залила его лицо. Восхищенный Йешуа долго любовался оружием, созданным в кузнице под крышей мистической школы.

– Так это из-за тебя вспыхнула ссора с центурионом? – спросил Йешуа у меча так, что Нафтали почувствовал себя виноватым и ссутулился.

– У тебя уже есть своя история, – восхищенно говорил князь, высоко поднимая меч и резко его опуская. От этого движения, верблюд шарахнулся так, что юноша едва удержался в седле. Нафтали с трудом сдержал напуганное животное, а когда верблюд успокоился, протя-

нул руку князю. Прежде чем соскочить с седла, Йешуа открыл кожаную сумку и достал из неё мешок.

– Я выкупаю это оружие воинов Света, – крикнул он, и ловко спрыгнул в объятия Нафтали.

– Ого! Да ты весишь не меньше тысячи монет! – пошутил он, и поставил подопечного на землю. Йешуа несколько сконфуженно передал в руки проводника мешок со ста монетами, и проникновенно сказал:

– Для меня это большая честь Нафтали. Меч уже имеет имя?

– Нет, князь.

– Зачехли его, мой брат. И лучше спрячь вместе с золотом от глаз подальше. До поры.

Нафтали вложил меч в ножны, замотал ветошью и спрятал внутри скатанного ковра, который сложил вдвое и приторочил к верблюду. После этого он расстегнул пояс с кинжалом и протянул своему подопечному.

– Пусть этот клинок всегда будет при тебе.

Йешуа склонился, и принял пояс с ножнами и кинжалом. Он застегнул пояс на талии и медленно извлёк кинжал из серебряных ножен, наслаждаясь и любуясь работой.

– Этот кинжал сделал мастер Давид. Мой отец. Он дал ему имя «Милость Божья».

– Научишь меня сражаться? – спросил Йешуа и в его глазах загорелся огонь сикария.

– С радостью! – ответил Нафтали.

– Твой брат Иуда настоящий боец. Однажды, он дал мне урок. Это было красиво! Я запомнил его.

– Владению боевым искусством и ремеслу создавать оружие детей Света нас обучил отец. Но это не единственное, что мы постигли в родительском доме.

– Я знаю, – кивнул Йешуа. – поэтому я и выбрал тебя, и просил Совет отпустить твою семью со мной на Восток.

– Семейю? – удивлению Нафтали не было границ.

– Разве тебе не сказали? Я решил, что так будет правильно...

– Нет, князь. Не сказали. Спасибо, что сообщил!

– Ты рад?

– Очень! Спасибо, князь...

– Не называй меня так. Отныне я ученик погонщика. Твой ученик. Зови меня по имени, брат.

– Да, брат.

– Сколько тебе лет, брат? – спросил Йешуа, самостоятельно взбираясь на верблюда.

– Тридцать, Йешуа, – ответил Нафтали.

– Прекрасный возраст! – крикнул ученик погонщика с высоты. Он уронил поводья и теперь пытался дотянуться до них. При этом он неосторожно задел верблюда пятками, и тот сильно шарахнулся в сторону, а потом стремительно побежал. Караван проявил беспокойство, но готовые ко всему бедуины, немедленно успокоили остальных верблюдов, с удивлением наблюдая за тем, как подросток сумел удержаться в седле, и, даже поймал поводья. И вот уже Йешуа возвращает своего верблюда, виновато склонившего голову, к коновязи, и под общее одобрение отважно спрыгивает в сильные руки проводника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.